ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

«ЖИГУЛИ»—НА КОНВЕЙЕРЕ

Баку. Торжественное заседание ЦК Компартии Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР. Вручение республике ордена Октябрьской Революции.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 41 (2258)

Основан 1 апреля 1923 года

10 ОКТЯБРЯ 1970

В колонне праздничного шествия.

Баку. Площадь имени В. И. Ленина. На правительственной трибуне во время военного парада и демонстрации трудящихся.

ПУСТЬ РАСЦВЕТАЕТ СОЛНЕЧНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН!

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ — ЯРКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НЕРУШИМОСТИ СОЮЗА БРАТСКИХ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ

На древней земле Азербайджана, в республике солнца и нефти, состоялся большой праздник: пятьдесят лет назад, в огне ожесточенных революционных битв, над Азербайджаном взвилось алое знамя Советов. Золотой юбилей республики, 50-летие ее Компартии,— яркая демонстрация ленинской дружбы народов, праздник всех советских людей.

30 сентября бакинцы сердечно встречали дорогого гостя—Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. На юбилейные торжества Азербайджана прибыли делегации трудящихся Москвы, Ленинграда, братских республик, а также делегация Вооруженных Сил СССР.

Товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, руководители Компартии и правительства Азербайджана, делегации братских республик, участвующие в юбилейных торжествах, возложили цветы к подножию памятника В. И. Ленину.

Гости республики-юбиляра пришли к Мавзолею 26 бакинских комиссаров, чтобы почтить память рыцарей революции, отдавших жизнь за великое дело партии коммунистов. Венок от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к Мавзолею 26 бакинских комиссаров возложил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Затем гости направились на юбилейную выставку народного хозяйства Азербайджана. Товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, руководители делегаций, участвующих в юбилейных торжествах, знакомились с разнообразной экспозицией павильонов выставки.

На следующий день гостей принимали покорители морских недр, нефтяники Каспия — рабочие и служащие нефтепромыслового управления имени Серебровского. На остров Песчаный прибыли товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители Компартии и правительства Азербайджана, руководители делегаций, участвующих в юбилейном празднестве. Сердечно встреченный собравшимися, с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Он с большой теплотой говорил о самоотверженном труде морских нефтяников.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев с большим интересом знакомился со столицей республики, с ее историческими памятниками, архитектурными ансамблями, новостройками.

2 октября в Баку состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР с участием представителей партийных, советских, общественных организаций и воинов Советской Армии. Под бурные аплодисменты места в президиуме занимают товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители партийных, советских, общественных организаций Азербайджана, главы делегаций братских союзных республик, городов-героев Москвы и Ленинграда, прибывшие на торжества, военачальники.

С докладом «50 лет Азербайджанской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Азербайджана» выступил первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Участники торжественного заседания встречают его стоя, горячими, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И. Брежнев передал президиуму торжественного заседания текст приветствия республике от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В заключение своей речи товарищ Л. И. Брежнев сообщил, что в связи с пятидесятилетием Советский Азербайджан удостоен высокой награды — ордена Октябрьской Революции. Товарищ Л. И. Брежнев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР. На сцену поднялись руководители республики и передовики труда. Под бурную, долго не смолкающую овацию товарищ Л. И. Брежнев прикрепил орден Октябрьской Революции к знамени республики.

Горячо поздравили трудящихся Азербайджана с полувековым юбилеем республики и Компартии Азербайджана руководители делегаций, прибывших на празднество.

Юбилейные торжества продолжались и на следующий день. В Баку состоялся военный парад и демонстрация трудящихся. На Центральной трибуне — товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители партийных, советских и общественных организаций республики, главы делегаций братских союзных республик, городов-героев Москвы и Ленинграда, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

4 октября товарищ Л. И. Брежнев встретился с членами Бюро ЦК Компартии Азербайджана.

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото В. Воронина и Е. Халдея («Правда»).

ПРИЕЗД ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ Ж. ПОМПИДУ

С большой теплотой встретила Москва 6 октября Президента Франции Ж. Помпиду. Глава дружественной Франции прибыл в Советский Союз с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Вместе с высоким гостем в Москву прибыли министр иностранных дел Франции Морис Шуман, генеральный секретарь канцелярии Президента Мишель Жобер, генеральный секретарь МИД Франции Эрве Альфан, заведующий экономическим и финансовым отделом МИД Франции Жан-Пьер Брюне, шеф протокола Жак Сенар, заведующий отделом внешних сношений министерства экономики и финансов Жан Шапель и другие официальные лица.

Празднично украшен Внуковский аэродром. Развеваются государственные флаги Франции и Советского Союза. На летном поле выстроился почетный караул. Присутствуют представители трудящихся Москвы.

Встретить Президента Франции на аэродром прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. П. Рубен, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, министры СССР А. А. Громыко, Маршал Советского Союза А. А. Гречко, Н. С. Патоличев, Б. П. Бугаев, заместитель министра иностранных дел СССР С. П. Козырев, посол Советского Союза во Франции В. А. Зорин, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, генеральный секретарь МИД СССР И. Н. Земсков заведующие отделами МИД СССР А. Г. Ковалев, Б. Л. Колоколов и другие официальные лица.

Среди встречавших были посол Франции в

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЙ ДОГОВОР РАТИФИЦИРОВАН

В историю братской дружбы советского и румынского народов вписана новая и яркая страница. По предложению Совета Министров СССР Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Румынией.

Заседание, которое состоялось в Кремле, открыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

От имени Советского правительства с сообщением выступил министр иностранных дел СССР, депутат А. А. Громыко.

От имени комиссий по иностранным делам палат Верховного Совета СССР выступил председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза М. А. Суслов. Он сообщил, что комиссии по иностранным делам палат Верховного Совета СССР рассмотрели и единодушно одобрили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынией и рекомендовали Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать его.

Советском Союзе Роже Сейду, советские и иностранные журналисты.

Самолет, на борту которого высокий французский гость и сопровождающие его лица, совершает посадку и подруливает к месту встречи. Высокий гость спускается по трапу на московскую землю. Прозвучали государственные гимны Франции и Советского Союза. Президент Ж. Помпиду и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный обходят строй советских воинов и здороваются с ними.

С аэродрома глава французского государства направляется в город в отведенную для него в Кремле резиденцию.

Улицы и площади, по которым проезжал высокий гость, были украшены государственными флагами Франции и Советского Союза, приветственными транспарантами, на которых было начертано: «Пусть визит Президента Французской Республики в Советский Союз послужит дальнейшему развитию и укреплению отношений между Советским Союзом и Францией!», «Пусть крепнет и расширяется советско-французское сотрудничество в интересах народов обеих стран, в интересах упрочения европейской и международной безопасности!», «Да здравствует традиционная дружба между народами Советского Союза и Франции!».

На всем пути следования Президента Франции Ж. Помпиду горячо приветствовали сотни тысяч москвичей.

(ТАСС)

Среди москвичей. Фото Д. Ухтомского.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

По просьбе журнала «Огонек» парижский корреспондент советского радио и телевидения Лев Королев взял интервью у ряда деятелей, которые комментируют визит Президента Французской Республики Жоржа Помпиду в Советский Союз.

Председатель Национального совета французских предпринимателей Поль Ювелен сказал:

— Во Франции придают очень большое значение развитию торговых связей с Советским Союзом. Без колебаний мы говорим «да», когда нас спрашивают о том, хотим ли мы торговать с СССР. И добрые намерения воплощаются в жизнь хорошими темпами. Значительно увеличился товарооборот между нашими странами за последние пять лет.

Председатель Национального собрания Франции Ашиль Перетти сделал следующее заявление:

— Отношения между нашими странами, крепкие своей традиционной дружбой, могут и должны укрепляться еще дальше. У нас общие интересы, нас связывает большая и давняя дружба. Визит в вашу страну Президента Французской Республики господина Жоржа Помпиду должен принести положительные плоды не только для дальнейшего укрепления отношений между нашими двумя странами, но и для дела всеобщего мира.

Подписанный 7 июля в Бухаресте во время визита в Румынию советской партийно-правительственной делегации, возглавляемой Председателем Совета Министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгиным, новый советско-румынский Договор отвечает стремлению обоих народов крепить и расширять братский союз.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, подписавший Указ о ратификации Договора, отметил, что в Договоре «нашли воплощение незыблемые принципы социалистического интернационализма, товарищеской взаимопомощи, братского сотрудничества, подлинного равноправия, уважения независимости и суверенитета, на которых строятся отношения между социалистическими государствами».

Одновременно Договор был ратифицирован Государственным советом Социалистической Республики Румынии.

Москва, Кремль. 30 сентября. Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото В. Сметанина. («Известия»)

«ВМЕСТЕ ТРУДИТЬСЯ ДЛЯ ДЕЛА МИРА»

В канун визита Президент Франции Жорж Помпиду дал интервью советскому телевидению. Говоря о целях своего приезда в СССР, Президент Франции, в частности, сказал:

— Сегодня не для войны мы объединяем наши усилия, мы должны вместе трудиться для дела мира. Такова цель моего визита: сделать так, чтобы отношения между нашими двумя странами были важным элементом мира в Европе и во всем мире, ибо вы желаете мира, как и все народы, я в этом убежден.

Жорж Помпиду приезжает в нашу страну не первый раз. Он побывал в Москве в июле 1967 года, когда занимал пост главы французского правительства. В опубликованном тогда коммюнике указывалось, что пребывание Помпиду в СССР и его переговоры с советскими руководителями «внесли важный вклад в укрепление согласия и сотрудничества между Советским Союзом и Францией, в упрочение традиционной дружбы, существующей между советским и французским народами».

Важным этапом в развитии советско-французских отношений явился визит в нашу страну четыре года назад Президента Франции генерала Шарля де Голля. Этот визит способствовал оздоровлению политической обстановки в Европе, заложил далеко идущие основы плодотворного, взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами. Главные направления этого сотрудничества были определены декларацией от 30 июня 1966 года, подписанной в заключение визита в СССР генерала де Голля. В соответствии с этой декларацией была создана и успешно функционирует целая система органов, координирующих совместные усилия обеих стран.

Успешно действуют сегодня совместные проекты: внедряется в практику франко-советская система цветного телевидения «СЕКАМ III», разрабатывается непрерывный металлургический процесс — от плавки чугуна до получения готового проката; организуется производство ряда новых химических веществ, полученных лабораторным путем, и, наконец, ведется строительство крупнейшего в Европе Серпуховского ускорителя частиц с использованием французской пузырьковой камеры «Мирабель». Представители французской государственной автомобильной фирмы «Рено» и советские внешнеторговые организации подписали протокол о сотрудничестве в области производства грузовых автомобилей в СССР.

Недавно в Париже состоялась пятая сессия постоянно действующей смешанной советско-французской комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству. Как отмечается в опубликованном по окончании сессии совместном коммюнике, состоявшаяся сессия «предоставила обеим делегациям возможность вновь подчеркнуть особый характер сотрудничества между Францией и Советским Союзом и подвести весьма удовлетворительный итог сотрудничества накануне поездки Президента Французской Республики в Советский Союз».

В качестве главы французского государства Жорж Помпиду выступает в пользу разрядки напряженности и развития мирного сотрудничества между странами Востока и Запада, следуя при этом избранному Францией курсу независимости в международных делах.

Придавая серьезное значение дальнейшему расширению советско-французского сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, Президент Франции высказывается за превращение его в важный фактор стабильности и мира в Европе и во всем мире.

Переговоры между советскими руководящими деятелями и Президентом Жоржем Помпиду, его встречи с советскими людьми, несомненно, ознаменуют новый этап на пути укрепления традиционной дружбы и взаимопонимания между Советским Союзом и Францией, будут способствовать еще более тесному советско-французскому сотрудничеству в интересах мира, европейской и международной безопасности.

Каир. 1 октября. Члены зарубежных делегаций в траурном кортеже.

КАИР В ДНИ МУЖЕСТВА

А. СОФРОНОВ

Рано утром 28 сентября я распахнул балконные двери в номере, выходящем окнами на Нил. Розоватые блики лежали на свинцово-серой поверхности реки. На другой стороне Нила в легкой дымке освещенные несильными лучами солнца словно покачивались многоэтажные дома, протянувшиеся вдоль набережной.

Посреди Нила шел небольшой катер, который тащил за собой три фелюги со свернутыми черными парусами, лежащими вдоль бортов.

Справа по мосту сновали автомобили, а внизу, под окнами отеля, военные моряки делали зарядку. Начинался новый трудовой день Каира, жившего все эти дни нервной, напряженной жизнью. Весь арабский мир, да и не только арабский, тревожно следил за развитием трагических событий, происходивших в Иордании, где шла братоубийственная война. Каждый день газеты сообщали драматические подробности событий, происходивших в Аммане и других городах Иордании. Один из французских дипломатов, представленных в Каире, на вопрос, какие сведения он имеет о том, как относятся к этим событиям в Израиле, ответил:

— Правители Израиля на одной ноге.

— Что это значит?

— Французское выражение — танцуют от радости.

Да, братоубийственная война, спровоцированная американскими и прочими агентами, приносила радость и удовольствие не только израильским агрессорам, но всем тем, кто пытался поставить на колени арабские народы.

В эти дни в Каире происходило историческое совещание глав арабских государств и правительств, душой которого был президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. Проезжая по нильской набережной мимо огромного отеля «Хилтон», мы видели флаги арабских государств и плотный кордон каирских полицейских. Именно здесь происходило это совещание, и здесь было подписано участниками совещания соглашение, по которому должно было прекратиться пролитие крови на земле Иордании. Соглашение подписали и король Иордании Хусейн и председатель Центрального комитета Организации освобождения Палестины Ясир Арафат. Участники совещания разъезжались по своим столицам. Каждого из них на аэродроме провожал Гамаль Абдель Насер. Миллионы арабов, тяжко переживавших кровопролитие в Иордании, во время которого были убиты тысячи детей и женщин, горячо приветствовали достигнутое соглашение. Благоразумие и воля к миру и единству победили. Все понимали, какая огромная роль в успехе этого совещания принадлежала президенту ОАР Гамаль Абдель Насеру. Огромная роль и огромное нервное напряжение, великое чувство ответственности за судьбу арабской нации и за судьбу мира, поставленного здесь, на Ближнем Востоке, на огненный рубеж войны.

И невольно вспомнился конец марта этого года, когда мы, трое представителей журнала «Огонек», были приняты Насером в его резиденции, чтобы получить от него интервью для специального номера журнала, посвященного жизни и борьбе египетского народа. Он вышел к нам, уставший и тревожный. «Сегодня утром в Браззавиле поднят мятеж против законного правительства. Мы только что получили об этом сведения. Там наши друзья,— сказал нам Насер.— Но мы надеемся, что еще не все потеряно... Мятеж будет подавлен».

Президент не ошибся. К вечеру мятеж был подавлен и главари его уничтожены. Но именно тогда, увидев близко Гамаль Абдель Насера, почувствовали мы всю тяжесть ответственности, какая легла на плечи этого могучего и мудрого человека не только за судьбу своего народа, но и за судьбы многих других народов арабского мира и Африки. Именно тогда, в этот мартовский полдень, Гамаль Абдель Насер произнес в интервью такие слова:

«Во время израильской агрессии 1967 года Советский Союз полностью поддержал нас. И сегодня Советский Союз с нами в нашей борьбе. Это один из самых главных факторов, говорящих о том, что мы ликвидируем последствия агрессии. Советский Союз оказывает нам политическую поддержку и экономическую помощь, поставляет вооружение, помогает специалистами в деле перестройки и перевооружения нашей армии.

Отношения между СССР и ОАР — образец отношений между великим государством и развивающейся страной. За все это народ ОАР питает к Советскому Союзу самые братские чувства дружбы и любви. Наша благодарность Советскому Союзу безгранична».

Путешествуя в те дни по Объединенной Арабской Республике, мы ежечасно убеждались в искренности и прочувствованности этих слов. Мы беседовали с десятками людей в Асуане, и в Хелуане, на берегу Средиземного моря в Александрии, и в разбитом израильскими агрессорами прекрасном ранее городе Суэце, и на берегу Суэцкого канала в зеленом, но также варварски разбитом агрессорами городе Исмаилия. Эти беседы свидетельствовали о многолетних, укрепляющихся дружеских отношениях между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой — результате все крепнущего доверия наших народов друг к другу, несмотря на все провокационные попытки империалистических государств поссорить наши народы.

Гамаль Абдель Насер мудро определил настоящий и будущий путь египетского народа, и, видя в Советском Союзе бескорыстного и верного друга всех свободолюбивых народов, борющихся за национальную независимость, он, исходя из интересов своего народа, шел твердо по этому пути, увлекая за собой и многих других государственных деятелей стран Арабского востока.

...В тот вечер, 28 сентября, закончив все встречи с египетскими писателями, обсудив с ними вопросы, связанные с проведением в столице Индии Дели IV конференции писателей Азии и Африки, зная, что завтра к вечеру улетать в Москву, мы отправились в кино. И там снова в кинохронике мы увидели Гамаль Абдель Насера, провожавшего на аэродроме участников совещания. И мы не могли не обратить внимания на какую-то тяжесть его походки и на усталость в его глазах. И когда уже фильм подходил к концу, вдруг в зале зажегся свет и раздались крики: «Насер умер! Насер умер!» Это было как удар грома. Все растерянно поднимались с мест, переспрашивая друг друга и не веря этой вести... И как-то молча, оглушенные этой вестью, выходили на улицу. Раздались первые рыдания. Кто-то упал. Кого-то молча и бережно поднимали. На улице было еще тихо. Только стояли группа-

Прощание.

И СКОРБИ

Фото специального корреспондента ТАСС В. Кошевого.

ми люди. Стояли молча, все еще не веря в случившееся. Мы сели в машину... Но как-то так случилось, что не нашли сразу дорогу к отелю. И пришлось спрашивать... И произносить первые слова участия... И люди, узнав, что мы из Советского Союза, указывали нам дорогу. А в это время на улицах уже появились толпы молодежи, идущие рядами по мостовой, скандируя слова: «Насер с нами! Насер с нами!» По мосту шла колонна громко рыдавших девушек. Да, в это время человека, многие годы стоявшего во главе египетского народа, уже не было в живых.

На весь Каир, над широкими водами Нила звучали по радио слова Корана. Было два часа ночи.

...И утром в пять часов снова за окнами над Нилом зазвучал по радио торжественно печальный речитатив Корана. Я открыл дверь на балкон... Розовые блики лежали на нильской воде. И снова, как и накануне, шел катер по Нилу, таща за собой три фелюги со свернутыми черными парусами... А по мосту, справа от нашего отеля, проносились машины. Египет начинал новый день. День жизни уже без своего любимого и мудрого президента. Прошла всего одна ночь, но как изменились лица всех, кого мы увидели в это первое скорбное утро! Набухшие слезами глаза. Серые от горя, осунувшиеся лица. Люди словно окаменели. Вместе с председателем Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки, узбекским писателем Камилем Яшеном, главой делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, секретарем ЦК Коммунистической партии Казахстана С. Имашевым и русским поэтом Михаилом Лукониным мы отправились к Юсефу эс-Сибаи — главе афро-азиатских организаций солидарности и писательской ассоциации, чтобы выразить свое глубокое, сердечное соболезнование.

Мы видели Каир в эти первые часы всенародного горя. Каир, потрясенный скорбью. Мы встречали колонны молодежи с портретами Насера в траурной рамке. Видели плачущих полицейских и шоферов такси. Такое проявление острого, нескрываемого горя могла вызвать смерть только такого человека, которого любили, которому беспредельно верили, с которым вместе, душа в душу переживали и радости успехов и горечь поражений.

Мы не узнали нашего старого друга Сибаи, с которым вот уже пятнадцать лет работали вместе.

— Наш народ потрясен этой тяжелой потерей,— сказал он.— Гамаль Абдель Насер был не только президент нашей республики, но он был человеком, который стоял у колыбели организации афро-азиатской солидарности, у начала движения писателей Азии и Африки. Наша скорбь безгранична и глубока. Но мы верим в единство. Мы еще теснее сплотим свои ряды. Мы чувствуем дружбу и постоянную помощь Советского Союза. Мы сделаем все, чтобы наш народ пошел по пути, который был начертан и выверен нашим незабвенным президентом. Чувства поддержки и братского участия в нашем тяжелом горе мы видим в послании руководителей Советского государства. Мы это чувствуем и в том, что уже сегодня в Каир прибывает советская партийно-государственная делегация во главе с Председателем Совета Министров Советского Союза товарищем А. Н. Косыгиным.

Молча мы обнялись с нашими египетскими друзьями, с теми, кто шел одной дорогой с президентом Насером.

И никогда не уйдет из памяти этот мужественный и скорбный Каир. Не исчезнет из памяти человек, всю свою жизнь отдавший борьбе за счастье арабских народов.

Наши чувства, чувства всех советских людей, глубоко и проникновенно выразил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, выступая 2 октября 1970 года в Баку на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию Азербайджанской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Азербайджана.

Он сказал:

«Тяжелой потерей для арабского народа и дела, за которое он борется, явилась безвременная смерть героя освободительной борьбы арабов Президента Объединенной Арабской Республики, председателя Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насера. Из жизни ушел великий патриот, пламенный борец против угнетения и агрессии, за свободу, независимость и социальный прогресс, мудрый государственный деятель, один из авторитетнейших руководителей арабского мира. Мы, советские люди, скорбим о потере боевого соратника, товарища по совместной антиимпериалистической борьбе, верного друга нашей страны и всего социалистического содружества.

Гамаль Абдель Насер был одним из тех людей, которые заложили прочный фундамент великой дружбы между народами Советского Союза и Объединенной Арабской Республики, всех арабских стран. И мы твердо знаем: возведенное на этом фундаменте прекрасное здание нашей дружбы будет расти и крепнуть, ибо эта дружба — выражение глубокой потребности исторического развития, и ей процветать века!

Пользуясь случаем, мне хотелось бы с этой трибуны передать теплый товарищеский привет нашим добрым друзьям—руководителям Объединенной Арабской Республики, соратникам Гамаль Абдель Насера, которые, мы в этом уверены, с честью продолжат дело покойного президента, столь важное для ОАР, для всего арабского народа, для сил мира и свободы во всем мире.

Наши арабские друзья должны знать, что Коммунистическая партия и правительство Советского Союза, весь советский народ будут и впредь неуклонно следовать курсу искренней дружбы и братского сотрудничества с Объединенной Арабской Республикой. Мы будем и впредь оказывать всемерную поддержку справедливой борьбе арабов за освобождение своих земель, захваченных агрессорами, за установление прочного мира на Ближнем Востоке».

Эти сердечные слова выражают чувства всего советского народа, чувства каждого из нас.

Каир — Москва.

Находившаяся в Каире партийно-государственная делегация Советского Союза, возглавляемая Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, посетила 2 октября республиканский дворец Кубба, где встретилась с исполняющим обязанности президента ОАР Анваром Садатом, членами Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Хусейном аш-Шафии, Али Сабри, военным министром Мухаммедом Фавзи, государственным министром Сами Шарафом и другими руководителями ОАР. В ходе дружественной беседы были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин беседует с исполняющим обязанности президента ОАР Анваром Садатом.

ПРИСНИВШИЙСЯ НА РАССВЕТЕ

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«УКРАИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Завершить строительство Днепровского и вторых очередей Северного и Ингулецкого горно-обогатительных комбинатов» — так записано в Директивах XXIII съезда КПСС.

Сегодня мы рассказываем о Днепровском горно-обогатительном комбинате.

Комсомолка Надя Болилова работает машинистом вакуум-насоса на обогатительной фабрике.

А. СТАСЬ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Виктора Яценюка мы разыскали быстро: как раз новый дом заселялся, и заместитель председателя горсовета в своем кабинете выдавал ордера. В приемной толпились веселые, крепкие парни, все они приехали когда-то из Кривого Рога. А теперь вот получали квартиры здесь, в Комсомольске-на-Днепре. В этом городе, надо сказать, к криворожцам отношение особое. Без них было бы туго. Можно сказать — это не будет преувеличением—именно они ввели в строй действующих горно-обогатительный комбинат.

Мы уже знали, что Яценюк — один из тех ветеранов, которые закладывали первые кирпичи молодого города. Но сам Виктор Сергеевич — на вид ему и двадцати пяти не дашь — тут же внес поправку. Не было тогда кирпичей, только плавни, лозняк да песчаные холмы-кучугуры на днепровском берегу. Парни и девушки, прибывшие сюда первыми, просто разбили несколько палаток. Те, кто вслед за ними приезжал, рядом такие же палатки ставили. Так и выросла целая улица парусиновая...

Мы с Яценюком направляемся к центру города. Улица Молодежная. Многоэтажные дома, музыкальная школа, кафе, магазины.

— Вот здесь, напротив кафе, стояли наши палатки. Порой кажется, что все это то ли приснилось мне на рассвете, то ли в книге я вычитал, то ли сам придумал... Наверно, потому так кажется, что времени прошло немного, восемь лет всего, и город вырос на моих глазах. Так, ребенок растет, а ты, если рядом, не замечаешь. Глядь, он тебе уже по плечо вымахал... Только когда я отлучился из Комсомольска на два года в армию, а потом вернулся, все сразу как бы по-новому увидел: город-то наш, оказывается, самый настоящий!

По тротуару навстречу нам шли очень нарядные люди — ослепительные рубахи, костюмы с иголочки. Девушка в белом платье. И фата. Невеста чуть смущалась,

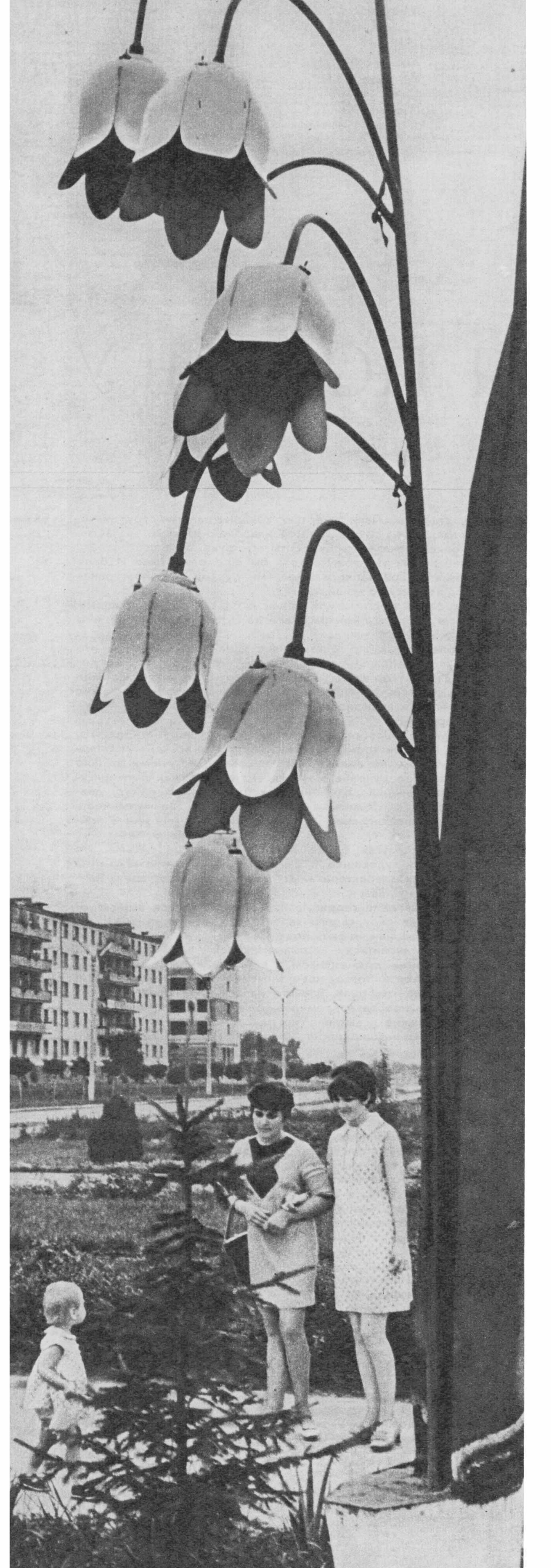

1961 год. Первую улицу Комсомольска-на-Днепре назвали Молодежной.

У входа в парк культуры и отдыха.

жених, увидев Яценюка, сказал весело:

— Двенадцатый час, а фотоателье закрыто. Куда власть смотрит?

— Попросите как следует, может, вас корреспонденты «Огонька» сфотографируют,— улыбнулся Яценюк.

Жених подмигнул друзьям.

— А что, разве мы не заслужили?

Молодожены Люба Могильная и Сергей Даценко работают вместе, бетонщики.

— В нынешнем году уже сто шестая пара,— провожая взглядом молодых, сказал Яценюк.— А вообще в Комсомольске отпраздновали око тысячи свадеб. И «палаточники» наши давно переженились. Много было нас... Коля Катушин, он был комсомольским секретарем на стройке, теперь на экскаваторе машинистом; Валя Назаренко из бригады разнорабочих — упрямая была дивчина, настойчивая — техникум окончила; еще Ефименко Валентин — отличный парень — наши койки рядом в палатке стояли... Мы друг друга не забываем. Каждый год, 24 января, собираемся вместе — в тот день первый раз на работу вышли. С женами, с мужьями, с детьми все приходят, внушительный отряд получается. Как запоем песню, так мне и вспоминается наша первая комсомольская конференция в Горишних Плавнях. Село тут такое неподалеку. Там мы конференцию проводили. Приняли тогда «закон жизни на стройке» — чтоб дисциплина строгая, взаимовыручка и насчет спиртного — ни капли... Так и договорились. Уговор соблюдали честно. Работали ребята, сил не жалели. Я сначала грузчиком был, мы камень под фундаменты таскали. Потом научился слесарному делу, стал монтажником. Вместе с городом строился и наш горно-обогатительный комбинат. Собственно, Комсомольск-на-Днепре и зачинался ради того комбината, ради железной руды...

Через полчаса мы увидели все то, что здесь называют обыденным словом «комбинат». К громким словам люди тут не привыкли, хотя они прекрасно понимают, что своими руками, своим трудом создали на берегу Днепра еще один гигант отечественной индустрии.

Мы находимся на самой южной точке магнитной аномалии. Руда здесь залегает недалеко от поверхности, ее добывают открытым способом. Внизу, под нами, раскинулся огромный уступчатый котлован карьера. Грохочут моторы экскаваторов, ковши вгрызаются в грунт. Упругие водяные струи гидромониторов радугой сверкают на солнце. Вздрагивает земля, когда с ревом одна за другой проносятся тяжелые машины, вывозящие со стопятидесятиметровой глубины ценную добычу — руду. Раньше на этом месте стояло село Паньки. Теперь и село и окружавшие его болота исчезли. С каждым месяцем рудник будет продвигаться все дальше, протянется на много километров, и перед ним расступится все, что окажется на пути. Таков закон битвы за металл.

Степан Иванович Ульянич, инженер-горняк, который присоединился к нам, чтобы показать передовой рубеж этой нелегкой битвы, по-своему истолковал наше безмолвное восхищение вереницей могучих самосвалов.

— Верно, машины хорошие, белорусского производства. По двадцать семь тонн берет каждая. А нам бы сюда самосвалы эдак тонн на сто! Со временем карьер достигнет проектной отметки, уйдет на триста метров вглубь. Будем добывать ежегодно по пятнадцать миллионов тонн руды. Так что транспорт для нас — важнейшая проблема.

Кременчугская руда отличается высоким содержанием железа, до 65 процентов. Но не так просто извлечь их, эти проценты. Чтобы они превратились в сырье для черной металлургии, Виктор Яценюк приехал из Полтавы, приехали из разных мест другие комсомольцы и построили целый город. А чтобы вовремя забилось сердце города — Днепровский горно-обогатительный,— комсомолец двадцатых годов Павел Лаврентьевич Белый, человек уже преклонного возраста, оставил Кривой Рог и тоже поработал засучив рукава на новом месте. Наверное, не случайно на комбинате мы встретили много криворожцев. Директор предприятия знал, на кого опереться. Опытные рудодобытчики, мастера своего дела.

Нас познакомили со многими из них. Вот криворожец Виктор Кириллович Хмель. На обогатительной фабрике он распоряжается корпусом, где происходят высшие «таинства» обработки руды. Нам объяснили суть технологического цикла, завершаемого выходом концентрата. Оказывается, он получается после того, как руда измельчается в порошок, и чем тоньше такая «пудра», тем больше железа вылавливают из нее магниты.

Корпус — огромный цех — состоит из секций. Каждая секция — законченный цикл обработки. Чем больше секций, тем мощнее предприятие. Рабочие и инженеры треста «Кременчугрудстрой», тоже молодого предприятия, вместе с эксплуатационниками закончили монтаж первой секции в феврале 1970 года. В марте запустили еще две. В июне заработала четвертая секция. Днепровцы дали металлургам первые полмиллиона тонн концентрата. И это—только начало. До конца года они решили ввести в действие еще четыре секции. На этом будет завершена первая очередь комбината.

Когда карьер углубится до той отметки, о которой говорил нам инженер Ульянич, и все 8 секций станут принимать и перерабатывать сырую руду, Днепровский комбинат будет отгружать 7 миллионов 350 тысяч тонн концентрата в год. Столько не давала вся горнодобывающая промышленность дореволюционной России.

...Вечером от городского причала отходили лодки, моторки и легкие весельные челны. Была суббота. Мы с Виктором Яценюком тоже поплыли на середину Днепра. Река здесь широкая, полноводная, и город отсюда очень хорошо смотрится. Белые дома стоят над водой, рядом сосновый бор-парк. Над деревьями вращается гигантское колесо, девчата визжат и смеются, мелькают пестрые карусели. Из парка доносятся приглушенные расстоянием и оттого поособому нежные, мягкие звуки оркестра.

Город отдыхал. Еще один город на нашей земле, город, которого вчера не было на карте.

Андрей БЛИНОВ

Песня подвигу

С волнением входил я в выставочный зал на Кузнецком мосту, где была развернута выставка работ художников — участников Отечественной войны... Что ожидало меня на этом вернисаже? Прекрасное чувство знакомства с прекрасным? Ощущение новизны творчества? Радость открытия талантов? А может, просто подтверждение веры, что не стареют душой ветераны? Ведь то была выставка работ художников, породненных не творческой школой, а кровью, вместе пролитой за Родину. И работают они по велению собственных сердец. Нетускнеющая память войны, неостывающие чувства зовут их к этому каждодневно, ежечасно. По-моему, это похоже на внутреннее состояние бойца, выведенного из боя в самую горячку,— ему еще долго будут сниться атаки и бомбежки. Но у художника это память войны, это художественное воплощение подвига, это он сам. Талант, усиленный личным опытом. Пережитое, познанное, не раскрытое еще до конца и никогда не исчерпываемое.

Художников, прошедших крещение огнем на войне, теперь, как и двадцать пять лет назад, когда отгремели последние залпы, волнует человек на войне, его ратный труд. Нынешнюю выставку, по счету пятую, но особенно значительную, ибо она юбилейная, отличает, как признают многие, стремление художников к углубленному изображению человека, ставшего на защиту самого святого — Родины, осмысление его поведения в сражениях и буднях войны. Не беглые наброски, не внешние предметы, а разработка характера воина, пусть это будет солдат, генерал или маршал.

Мне близка своим драматизмом, правдой картина художника-фронтовика Ивана Пензова, названная «Во имя Родины». Манера письма грубоватая, несколько тяжелая, мазки кисти крупные, но это все как раз и усиливает воздействие картины на чувства.

На картине танк и человек. Танк с угловатой башней, коротким стволом пушки. Перед танком человек. Он тонок, как былинка, строен юным телом, как придорожный тополек. На лице — взрослая решимость, перед которой ничто не может устоять и не устоит.

Черная смерть с крестом на башне и высвеченная огнем пожара фигура подростка в военной форме, а над руинами Сталинграда клочок нежно-голубого неба — как надежда... Чем-то сильным, потрясшим душу и сознание пахнуло от этой картины.

Иван Пензов — певец военного подвига. Тема эта ему близка. Сам он, что называется, вдоволь понюхал пороху. Где-то под Днепродзержинском стоит на братской могиле обелиск, на котором среди фамилий павших воинов и его, Пензова, фамилия. Но случай оставил его в живых. Не потому ли так чутка и правдива кисть художника, что сам он ощущал дыхание смерти?

В основу сюжета картины автор взял подлинный факт — подвиг молодого защитника Сталинграда Вани Федорова.

Как вспышка ракеты, коротка жизнь Вани. Четырнадцатилетним парнишкой прибился он к отступающей воинской части. Не по годам сметливый, непривычно ершистый, даже дерзкий, юноша через отважный поступок приходит в ряды сражающейся армии. Во время налета немецких бомбардировщиков он не растерялся и стал стрелять по пикировщикам из винтовки.

«Молодец, герой!» — услышал он одобрение командарма Чуйкова. Это была первая оценка его воинского мужества, первая награда.

И вот Ваня Федоров в рядах истребителей танков. Мужает, закаляется молодой солдат. В окопах Сталинграда он вступает в ряды Ленинского комсомола. Как клятва, звучит его заявление:

«Прошу принять меня в Ленинский комсомол. Пока жив, не дам фашистским гадам напиться из Волги. Клянусь сражаться до полного истребления всех гадов на земле. К сему боец Иван Федоров».

На картине изображен финал последнего его сражения с фашистами.

...Накануне пришел приказ откомандировать в училища всех подростков, прибившихся к воинским частям. Но Ваня не успел уехать из части. Не наступило еще утро, как фашисты бросили в бой грозные колонны танков. И вот уже горят десятки вражеских машин, подбитых истребителями, в рядах которых по-прежнему сражался Ваня Федоров. Кончились снаряды. Пали смертью храбрых многие орудийные расчеты. Ваня стреляет из пушки прямой наводкой, стреляет из автомата. Когда осколками оказались перебиты обе руки, осталось последнее: ценой своей жизни уничтожить хотя бы еще один танк. И Ваня Федоров, прижимая к груди окровавленными руками тяжелую гранату, бросается под вражескую машину.

Мальчишка, грозный несгибаемой волей к победе, с бесстрашным сердцем, он навсегда остался воином и всегда будет среди людей, ибо подвиг сделал его бессмертным.

Не потому более подробно остановился я на этом полотне, что оно совершенно по композиции и мастерству, что художник уже достиг вершины в своем творчестве, а потому, что Иван Пензов вложил в картину высокую мысль о непреходящем значении подвига, вложил большие свои чувства и выразил то главное, что привело нас к победе,— народный героизм!

Николай Соломин — «Особое поручение». Здесь еще нет подвига, как на картине, о которой только что говорилось, но все дышит предчувствием его. Вы даже не видите лица человека, которому выпало выполнить это особое поручение, но во всем: в напряженности фигуры — главного персонажа, в движении всех окружающих фигур, движении, может быть, едва заметном,— подчеркивается значительность момента, его неизбежное влияние на каждого, кто так или иначе причастен к нему.

Соломину присуща другая, более подробная манера письма. Но это не превращается у художника в самоцель, а служит раскрытию внутреннего содержания характера людей, драматизма ситуации. Картина Н. Соломина правдива.

Разнообразно проявление героизма на войне. И не все зависит от случая. Сам человек в силу своего характера, своей внутренней готовности выбирает: быть или не быть подвигу.

Нельзя было не остановиться у картины Николая Ульянова «Побег из ада». Она волнует своим драматизмом и в то же время вселяет оптимизм, веру в то самое непреходящее значение совершенного подвига, о котором мы уже говорили. Все это написано на выразительных лицах вчерашних узников лагеря смерти, бежавших из земного ада, прошедших в нем тяжкие испытания, но не сломленных духом. И веришь, что люди, совершившие побег, совершат и новые героические дела.

А вот, казалось бы, обычное: лесок, белое поле с не тронутым еще снегом и на нем пунктир наклоненных навстречу врагу стальных рельсов и балок. Это противотанковые укрепления московской обороны. Может, потому так близка и понятна мне картина художника Вениамина Дородницына «Подмосковье. 1941 год», что все это видел я сам в тяжелую осень и начало зимы сорок первого года на Малоярославецком направлении, где дрался наш двенадцатый стрелковый полк.

Да, снег на картине еще чист и бел, еще не видно на нем рубчатых следов танков. Еще не зияют на поле рыжей глиной воронки от мин. Еще не валяются трупы в серо-зеленых, чужих шинелях. Еще не алеет на снегу кровь защитников столицы, но воображение все это уже рисует, раскрывая в картине новую, скрытую глубину.

Я задержал внимание на нескольких картинах о войне, о героизме. Но тематическая палитра выставки была шире. Художников, бывших фронтовиков, интересуют многие стороны как войны, так и нынешней нашей, мирной, созидательной жизни и жизни современного советского воина. Однако произведения о военном подвиге особенно волновали посетителей выставки, молодежь — солдат и офицеров Советской Армии, рабочих, интеллигенцию. Понять и осмыслить свершенное отцами и старшими братьями — вот чем можно объяснить ту задумчивость и сосредоточенность, с какой застывали у многих картин советские люди.

Двести восемьдесят семь художников участвовали в выставке. Пятьсот тридцать их работ долгое время были в поле зрения многих и многих посетителей.

Пожелаем же художникам — ветеранам Великой Отечественной войны новых творческих свершений!

Н. Соломин. ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ.

Выставка произведений художников-ветеранов Великой Отечественной войны

И. Пензов. ВО ИМЯ РОДИНЫ.

В. Дородницын. ПОДМОСКОВЬЕ. 1941 год.

Владимир КОТОВ

ЗЕМЛЯ

Темное золото игол сосновых,
тропинка скользит, не пыля.
Лес поднимается...
Вот где основа,
наша основа —
земля.
И все,
кто воистину,
кто настоящий,
ею навеки сильны,
ею,
как лес этот,
в небо смотрящий,
навеки
объединены.
И, значит, мы все
до последней кровинки,
славя свое бытие,
должны защищать ее,
всю
до травинки,
до всех горизонтов ее.

ВЕСЬ ОПАЛЕН ОГНЕМ БОЕВ...

В. И. Чуйкову

Он в каждом слове ясный,
веский,
он прост
в движеньях непреклонных,
седой солдат
страны Советской
в тяжелых маршальских погонах.
Какая красная судьба!
Стократ испытанная кровью...
О, если б знала
та изба
в селе родного Подмосковья!..
Он в девятнадцать лет
полком
уже командовал!
Бил белых!
(Ведь вот растить,
учить на ком
нам наших юных
да незрелых!)
В нем Сталинграда слышен гул;
полжизни, может быть,
осталось
там, где
на правом берегу
судьба
планеты всей решалась.
Там, где сейчас
средь синевы
над монументом Вечной Чести
Отчизна-мать
взметнула ввысь
неотвратимый
меч возмездья!
Бывает, крошится бетон,
сдают конструкции из стали,
но тот, кто партией рожден,
но тот, кто партией поставлен,
кто для народа своего
готов всегда к любым походам,
тот не страшится ничего
и навсегда
любим народом.
Весь опален огнем боев,
что светит
в маршальских созвездьях,
он прям,
и грозен,
и суров,
как сам народ наш
в час возмездья!

БОЙЦАМ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Планете велика ли честь —
к чему теперь
о том сужденья? —
но бомбы ядерные
есть.
Не миф. Не блеф. Не наважденье.
И многие,
себя самих
осмеивая похоронно,
ушли в глубокий пессимизм:
мол, бросьте,
где тут
«оборона»?
Да, это не «бумажный тигр».
Да, бомбы эти
вихри праха...
Но нам ли нужен
нервный тик
от мысли от одной, от страха?
И бомбы можно обуздать,
лишь не проспать,
не опоздать!
Народы к свету подались,
выходят в рост
и рвут оковы.
На все
готов капитализм,
и мы должны быть
все
готовы
к той самой дате грозовой —
быть может, и она настанет,—
когда последний
страшный бой
за жизнь земли,
за солнце
грянет...
И чтоб оцепененье снять
с себя
и с каждого, любого,
ты должен все
ПРО ЭТО
знать:
о том, что могут бомбы,
знать,
чего не могут бомбы,
знать,
о том, что есть защита,
знать,
и как ее готовить,
знать,
что делать по сигналу,
знать,
что делать с тем и этим,
знать,
незнанье
гнать,
безверье
гнать,
готовым быть
уметь
и знать,
и нет решенья здесь другого,
и нет здесь
выхода иного!
Ты! Ты боец!
Не только «тот»!
Тебя в сторонке не оставят.
В войне возможной
фронт пройдет
там,
где она тебя застанет!
Любое можно обуздать,
лишь не проспать! Не опоздать!
Слыхали мы и от врага,
когда из глаз его —
в сноп искры,
что «русским
долго запрягать,
а ездят-то они,
ох, быстро»!
Что ж бег событий упрекать!
Пусть слава взора нам не
му́тит!
Нам времени
на «запрягать»
теперь никто не даст!
Не будет!
Чтоб отстоять наш дом родной,
деревьев
солнечные кроны,
сегодня
становитесь в строй,
бойцы
гражданской
обороны!

ПРО АНЕКДОТЧИКОВ...

Под хмельком,
развалясь на диване,
сыт и весел,
хорош и пригож,
анекдотцы он сыплет и валит:
«Ты скажи-ка, Василь Иваныч,
ну, скажи-ка,
а ты смогёшь?..»
И, глаза выпуляя потешливо,
выдает наконец самый «смак».
Кто смеется утробно,
кто вежливо,
весь грохочет домашний кабак!..
Так над чем вам смеяться угодно?
Что Чапаев от вас отстал?
Что не только
болезни модной,
и названья ее он не знал?
Что не мог бы он с вами
сравняться
в пошлом трепе,
в усмешках кривых?
Что не мог бы он в танцах
кривляться
так, как ныне кривляетесь вы?
Вам в наследство
в победах и славе,
не щадя и своей головы,
власть Советскую
он вам оставил,
жизнь, свободу, дороги оставил,
ну, а вы что оставите?
Вы?
Вашим деткам
и вашим внукам,
прокутив в модерновой глуши,
что оставите вы?
А ну-ка?
Люэс тела
и люэс души?
Да ведь если б
из красной метели,
в черной бурке,
с грозою в очах,
он шагнул бы сюда
в самом деле,
вы б, как бобики, разлетелись,
вмиг опомнившись
и замолчав!
Но уверены вы,
что не вложит
он в ладонь свою вновь рукоять,
но уверены вы,
что не может
он сейчас за себя постоять.
Тот, кто был и прекрасней и чище,
за язык вас не схватит:
«Стой!»
Стих мой!
Огненным кулачищем
опустись
к «шутникам» на стол!
Кто-то «серию» очередную
вновь готовит
в гогочущий пляс.
Анекдотам
про мать родную,
видно, тоже
научат вас?!
Чтоб какой-нибудь гнус
не подумал,
что мы юмора не признаем,
впустим в дом мы
и этот «юмор»?
Все изгадим
и обсмеем?!
Вы, кто словом приблудным
красен
и кто внемлет им средь тишины,
вы ведь просто
разносчики грязи
производства
безродной шпаны,
той, что всюду, всегда и поныне,
чтя лишь нимбы монет золотых,
прет походом
на наши святыни,
не имея своих никаких!
Так чего же нам ждать,
что кто-то
этой скверны поход оборвет?!
Сам не слушай
того анекдота!
Сам
заткни анекдотчику рот!

Переправа. Враг постоянно наблюдает с воздуха. Поэтому партизаны начеку.

А. НИКАНОРОВ

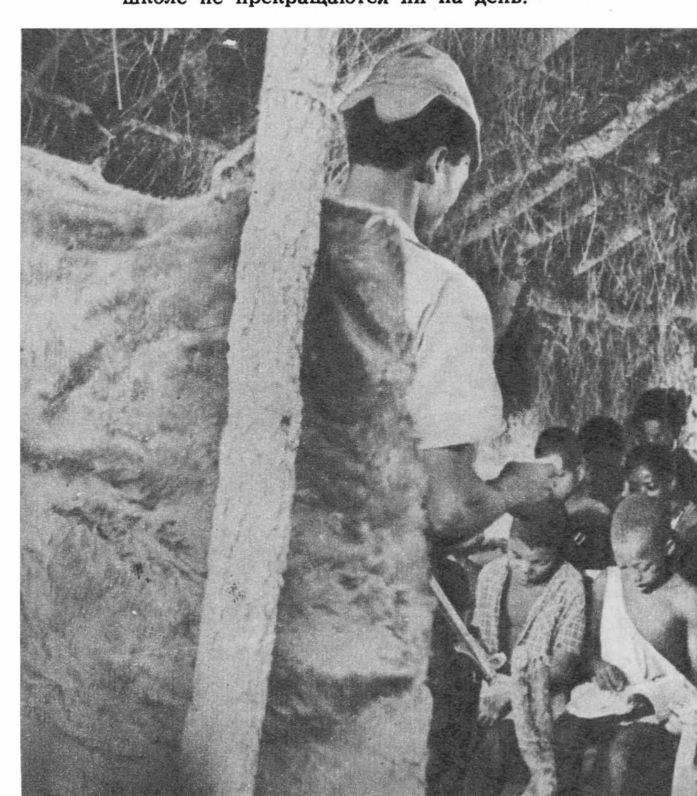
Фото автора.

Ангола: десятый год вой

Партизанские тропы нет-нет и пересекутся. Эти друзья не виделись уже три года.

Грифельную доску заменяет закопченная шкура буйвола, не хватает тетрадей и учебников, но уроки в лесной школе не прекращаются ни на день.

Три командира обсуждают предстоящую боевую операцию: обстрел португальского форта Каянда. Где лучше расставить минометы, когда открыть и куда нацелить огонь. Разведка, с которой шла и наша группа, уже многое прояснила. Теперь уточняются детали.

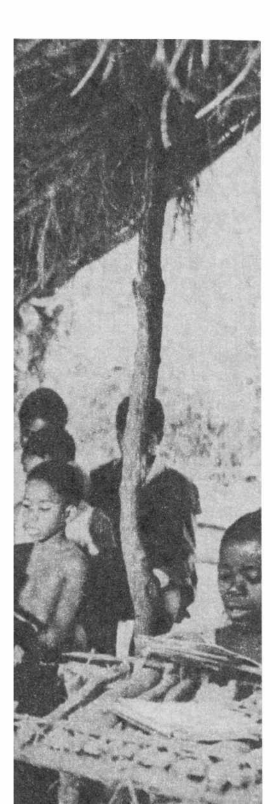

Мона — директор Центра революционного обучения 3-й области, зоны «Б», 4-го сектора, и Элена — заместитель председателя местной секции Организации ангольских женщин. Разговор явно не о футболе.

Так встречают в деревнях партизан. Так встречали и нас, первую делегацию из Советского Союза.

НЫ

Эта поездка готовилась долго и держалась в строгом секрете. И только седьмого августа на пресс-конференции в Дар-эс-Саламе Агостиньо Нето, председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), объявил на весь мир: «У нас в гостях в течение трех недель находилась первая группа советских журналистов и кинооператоров; 26 июля они присутствовали при обстреле партизанскими отрядами форта Каянда...»

Меры предосторожности, предпринятые руководством МПЛА, вполне обоснованны. Ведь в этой «заморской провинции» Лисабона вот уже десятый год идет война. Трудная, затяжная. Нет у патриотов пути назад, и народ полон решимости сохранить завоевания революции и довести борьбу до победного конца. А для колонизаторов, южноафриканских расистов и стоящих за их спиной отрядов империалистической реакции поражение в Анголе означает не только утечку колоссальных барышей, получаемых за счет грабежа ее национальных богатств и бесчеловечной эксплуатации местного населения, но и потерю важного стратегического плацдарма для наступления на независимую Африку. Таковы ставки. В чью же сторону склоняется чаша весов? Уже одно то, что представители МПЛА смогли нелегально провести нашу группу через границу, показать район, равный по площади Франции, дважды подвести на расстояние трехсот метров к противнику, говорит, кто хозяин положения. О силе военных и политических позиций патриотов говорит и то, что военные расходы Лисабона в Анголе за последние пару лет подскочили вдвое!

Итак, мы «нарушили» границу Анголы 12 июля в 00 часов 10 минут и проникли за «стену молчания», которой фашистское правительство Португалии многие годы пыталось окружить свои владения на африканском континенте. Они не хотели, чтобы мир знал о зверских расправах над африканцами, восстававшими против своих угнетателей. Они не хотели, чтобы мир знал о существовании силы, способной объединить вокруг себя население и повести его на борьбу. Эта сила — партия МПЛА. Ее военная опора — партизанские отряды. Ее университеты — Центры революционного обучения (СИР).

Мы гостили в СИРе 3-й области, зоны «Б», 4-го сектора. Так он значится на зашифрованной карте. Сейчас я не могу назвать и подлинное имя его директора. Каждого бойца, командира и политкомиссара все знают только по подпольной кличке, взятой на время войны: почти у всех на территории, еще находящейся под контролем врага, есть родственники. Кличка директора СИРа — Мона. В переводе с местного африканского диалекта она означает «сын». Это настоящий сын Анголы.

Мона когда-то играл в футбол. «Сказал дома: иду на тренировку, а сам сбежал за границу. Связался с людьми из МПЛА. Стал проводить мобилизационную работу среди населения. До сих пор «тренируюсь», лет уж девять»,— смеясь, рассказывает он мне. Уже позднее я узнал, что, будучи в Советском Союзе, где Мона обучался на механика общего профиля, он выходил на зеленое поле стадиона, как центральный нападающий одной из клубных команд. Поэтому я не очень удивился, когда услышал, как он на русском языке спорил с Дезабу, командиром партизанского отряда, о том, кто лучше — Стрельцов или Яшин...

Сейчас у Моны нет времени на игру в футбол. Он ведет политзанятия с шестнадцатью стажерами своего Центра революционного обучения. Он отвечает за прием и содержание партизанских отрядов, базирующихся в этом районе. Он отдает много сил обеспечению нормальной жизни населения, живущего вокруг СИРа. Все это — будни сына Анголы, его вклад в революцию. Об этих буднях — публикуемый фоторепортаж.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

В. РОСЛЯКОВ

Рассказ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Был уже апрель, а весна все как-то не складывалась. Снегу не было и в помине, и дни получались серые, неуютные, промозглые. То падали скучные, холодные дождики, разводили на улицах слякоть, то вдруг вымораживало за ночь, и асфальт лежал перед глазами сухой и безжизненный. Голые деревья также были мертвы.

В такую-то пору мы взяли с приятелем отпуск и уехали в Мещеру, к южным воротам ее, в Солотчу, которая хороша была при всякой погоде.

Дороги тут обтаяли давно и обсохли, но в сосновых борах лежал снег. Мы приехали ночью и ночью же потащились в бор. В тьметьмущей ничего не было видно, кроме одиноких звезд над головой да черных стволов в мерцающем снегу.

Утром на прокатном пункте взяли лыжи и отправились в красный бор. С высоких сосен капало, и снег от этого был рябой, лыжи терлись о него с жестким шорохом. Мы часто останавливались в полном безлюдье, поднимали головы, чтобы увидеть, как высоки сосны. Они шумели вершинами, и шум их нельзя было отличить от шума моря. Сосны над нами раскачивало, и от этого сладко кружилась голова.

На просеках снег был чистым, белым и гладким. На нем хорошо были видны свежие и давние заячьи следы, и лисьи, и сорочьи, и мелкой строчкой следы какого-то крохотного зверька. Санная дорога была тут цела еще, по-зимнему крепка и накатанна. От корабельных стволов в луковичной чешуе веяло вечностью, шум моря над головой успокаивал, заставлял вслушиваться, вглядываться в этот мир, из которого мы вышли когда-то и незаметно позабыли о нем.

Сосны вдруг расступились, хлынул свет, и открылось лесное село. Скотный двор, бурые заплешины обтаявшей земли, шиферные крыши старых и новых рубленых домов.

Вот и Полково!

Однажды один из императорских полков без должной истовости прошел во время смотра перед Павлом Первым, маленьким, курносым самодержцем. Самодержец разгневался и отдал команду:

— Правое плечо вперед, в Сибирь шагом марш!

И полк с полковым командиром в голове сделал правое плечо вперед, то есть повернул налево, и пошел с Дворцовой площади Санкт-Петербурга в Сибирь.

Месяц шли, а может, и два, когда царь-император остыл немного, успокоился и решил помиловать провинившихся. Послал он гонца с наказом: где будет настигнут ссыльный полк, там и повелеть ему быть пожизненно, до окончания дней, а в Сибирь не ходить. К тому времени солдатики прошли уже город Рязань и вступили на лесную Владимирскую дорогу. Тут и настигло их царское помилование, тут полк и осел, и стало село Полково, оттого что одни солдатики жен привели из ближних селений, зажили семьями, другие так померли, но след свой оставили — кресты над могилками да еще дома, срубленные ими при жизни.

— Вот и Полково! — сказал приятель. Мы остановились, поглядели на полковские крыши, на обтаявшие бугры и повернули назад.— Не везло русской земле на царей.

А в бору было хорошо. Никогда и нигде я не видел ничего похожего и даже не знал, что это за чудо—красный бор. В бору стояла и Солотча со своим древним монастырем. Через поселок бежала дорога на Рязань, однако и тут было тихо и почти безлюдно. Продавщица газет, с десяток пожилых людей из домов отдыха, подавальщицы, буфетчицы, повар да судомойка в столовой, подвыпившие мужички тут же, в столовой,— где-то они что-то строили — вот почти и весь народ, что попадался нам на глаза. Жили мы в монастырском дворе, в бывших кельях — теперь гостиничных номерах,— в которых, если судить по глубоко врубленным окнам, стены были чуть ли не двухметровой толщины. В монастырском дворе, в теневых местах, дотаивал, исходил залежалый снег, на взбухших ветках вязов и тополей возилось и галдело воронье, посвистывали скворцы, купались в солнечных лужах воробьи. Шла весна.

Хорошо весной! В особенности же когда ты не в бегах, не на службе, не в круговороте, а когда ты в отпуске, когда ты свободен и есть время оглядеться вокруг. И любая древность в такую пору, в такую свободную минуту смотрится хорошо. Не в пример другим дням, когда ничего такого не думаешь, не замечаешь, теперь приходит в голову, что и до тебя земля не была пуста, что и до тебя жили людишки и по-всякому у них было: было кому и весело, было кому и вольготно.

Ко всему, ко всякой мелочи есть интерес, когда ты свободен. Осмотрели мы главные строения монастыря, поспорили насчет храма и надвратной церкви. Спорили потому, что не у кого спросить, хотя бы в каком веке было построено то или другое — в семнадцатом или восемнадцатом. И табличек никаких нет. В любом московском лифте висит, к примеру, от трех до пяти разных табличек, из которых можно узнать, что лифт — удобное средство передвижения вверх и вниз, что вылезать на ходу из лифта не рекомендуется, что в случае, если застрянете между этажами, сидите и дожидайтесь мастера, и многое другое. В Солотченском же монастыре ни одной таблички. И если заранее не прочитали в книгах или не обращались в пункт проката за лыжами, за любой другой надобностью, то ничего и знать не будете о Солотченском монастыре, основанном во времена Дмитрия Донского, проживите вы там хоть целый месяц.

Петр Афанасьевич, который занимает со своим прокатным хозяйством все подвалы трапезной, может не только выдать напрокат лыжи, велосипед или гитару, рюмки с фужерами или детскую коляску, а вообще-то может выдать вам все, что бы вы ни вздумали у него попросить,— кроме этого, Петр Афанасьевич кое-что расскажет вам и о монастыре.

Спору нашему он не помог, но кое-что все же рассказал. Помнили мы все это не так живо, как Петр Афанасьевич.

— Не схотел великий князь Рязанский Олег идти на помощь Московскому великому князю Дмитрию Донскому. То ли трусоват был, то ли по другим каким объективным причинам. Но не пошел. А Дмитрий Донской возьми да и разбей татар на Куликовом поле. Слава пошла, народ зауважал Дмитрия. Стыдно стало Олегу, а может, авторитет боялся потерять, боялся, что люди рязанские слушаться перестанут, взял да и построил тут вот, в Солотче, монастырь и сам в нем же поселился. Великий князь Рязанский святым выставился перед народом, срам свой замолил, а может, и не замолил. Мы же ничего не знаем, что они там себе думают, что говорят, до сей поры ничего не знаем.

Посмеялись мы рассказу Петра Афанасьевича, поблагодарили за лыжи и пошли смотреть дальше.

Было тут и другое чудо: высокий берег, а внизу старое русло Оки, а за руслом пойма. Далеко тянется пойма, чуть виден в хорошую погоду крутой и высоченный берег истинно уже Оки. И там, в дымке, на крутояре — Иван Богослов. Это церковь в Пощупове. Чертовым пальцем торчит этот Иван Богослов, и хорошо становится, когда глаз отыщет его в далеком мареве, на крутом берегу, среди чуть заметных пощуповских изб. Правее по крутому берегу — Новоселки, а там поворот, Ока уходит вглубь, и уже не видно, но приятель мой знает, что лежит там еще село Кузьминское, а уж за Кузьминским и знаменитое Константиново — родина Есенина.

Выйдем за монастырскую стену, станем на высоком берегу и смотрим в пространство, и вся эта красота у нас перед глазами. Лед тронулся на старом русле, у нас внизу, и великанские ракиты уже заступили в воду. Прибывает вода поминутно, и пойма то в одном, то в другом месте уже блестит зеркально. Пошла вода. Затопит луговину на много верст, и будет море, плыви хоть до самой родины Сергея Есенина, плыви хоть и дальше.

Поздняя нынче весна. Но тут, в Солотче, как-то и не думаешь об этом — поздняя она или ранняя, оттого что любая весна одинаково хороша. Поздно только приходит все это, годы молодые давно уже позади.

А пожили мы тут славно. Когда уезжали, снег в бору еще лежал — совсем серый от хвойных иголок, ноздреватый от капели, с большими потравами на взгорках, а дорога на

— Гражданин,— сказала ему бортпроводница,— эти места занимать нельзя.

— Это еще почему?

— Потому что нельзя,— без особой вежливости объяснила бортпроводница.

— Ну это вы скажите кому-нибудь другому.

— Вам, гражданин, все равно придется оставить эти места.

— Вы плохо меня знаете, дорогая, и вообще мне надоели ваши хамские разговоры. Я сел в самолет не из милости, а заплатив за это деньги.

Когда же с помощью другого члена экипажа удалось пересадить Аркадия Петровича на другое место, он сказал мне:

— Вот от чего мы погибнем. От хамства. Ни у кого ни на грош интеллигентности.— После этого он привел несколько фактов из отечественной истории, чтобы подтвердить свою мысль.

Такого человека подарила мне судьба в качестве спутника на протяжении довольно большого количества дней. Разумеется, Аркадий Петрович с первой же минуты расположил к себе и очаровал наших хозяев. Мы быстро справились с деловой частью поездки и стали затем просто гостями Душанбе. Город этот умеет принимать гостей и заботиться о них. Нас кормили лучшим пловом и лучшими шашлыками, нас возили по сказочным горным ущельям. Нашего шофера — доброго и самоотверженного молодого таджика — звали Космонавтом. Может быть, это шуточное имя, но зато ни одного шофера в других местах даже в шутку не называли Космонавтом.

Мы улетели из Москвы, где с трудом начинали набухать почки, а здесь, в Душанбе, деревья шумели листвой, на лужайках парков в высокой траве по-летнему дремали пушистые головки одуванчиков, знакомо и трогательно куковали кукушки, на дорожках расхаживали дикие горлинки и крупные, как голуби, туркестанские скворцы. Тут была тоже поздняя весна, но в другом смысле. Не оттого поздняя, что поздно пришла, а оттого, что уже шла к исходу, уже начиналось лето.

В тенистых улицах, под зелеными деревьями курились дымки мангалов, жарились шашлыки. Аромат стоял над городом, щекотал ноздри, дразнил аппетит. Город был прекрасен, напоен запахом жареного мяса. Но в ущельях было еще прекраснее.

Взбалмошная Душанбинка за городом становится дикой речкой уже с другим именем — Варзоб. Сначала она спокойно, хотя и стремительно, течет по каналу, потом, в Варзобском ущелье, бешено прыгает по каменным валунам, пенится, бьется в каменные берега.

Слева и справа, на самых вершинах, по узким терраскам пасутся овцы, козы, ходят пастухи. Как можно забраться туда, непонятно.

Далекие снежные хребты небесно-белые и кажутся близкими, рукой подать. По узкому ущелью разбросаны домики, то там, то здесь ютятся кишлаки. Детвора выбегает к дороге с пучками сочной кислицы.

Так бы и ехал без конца в окружении изменчивых гор, так бы и вглядывался в снежную белизну близких и далеких скалистых хребтов. И все слушал бы тонкие и умные разглагольствования одинокого интеллигента Аркадия Петровича.

Поздняя весна была в разгаре. Цвели сады, без отдыха работали пчелы, вокруг города, наползая из-за горных перевалов, ходили тяжелые грозовые тучи, падал ливень, по улицам и дворам сразу же вздувались и пенились потоки желтой воды.

Холодные небесные ядра рикошетом стреляли по дастархану, и рюмки отвечали на эту стрельбу тонким, жалобным звоном. Сквозь раскаты грома слышны были артиллерийские залпы. Это особая служба била из пушек по тяжелой седой тучке, пытаясь расстрелять ее и рассеять. Но туча огрызалась новыми раскатами грома и еще с большей яростью обрушивалась на землю, на цветущие сады убийственной белой картечью.

Хозяин дома, он же детский поэт, он же раис, или председатель колхоза, отвернулся от дастархана, от гостей и грустно смотрел, как разбойничал град среди цветущих деревьев, застилая землю толстым ледяным крошевом. Тяжко было смотреть на убитое горем лицо председателя.

— Ничего не будет,— тихо, как бы про се-

Рязань ушла за Солотчей под воду, и проехать по ней уже было нельзя, в пойме оставались только рыжие островки — все затопила весна.

В апреле и вернулись мы в холодную Москву, откуда я сразу улетел по служебным делам в Душанбе, где прежде, как и во многих других местах, не бывал.

Моим спутником на этот раз был человек примечательный и, возможно, даже выдающийся. Дело в том, что Аркадий Петрович считал себя первым интеллигентом Москвы. А поскольку Москва была самым интеллигентным городом в Союзе, то, значит, и всего нашего Союза. Говорил по большей части исключительно только на одну тему — об интеллигентности, вернее сказать, об отсутствии интеллигентности в наших людях, отчего, по словам Аркадия Петровича, и проистекали всевозможные парадоксы и теневые моменты в нашем обществе, также и в государстве. Причем роковое отсутствие интеллигентности, как считал Аркадий Петрович, не есть что-то случайное, временное, а глубоко историческое явление, свойственное и присущее и так далее.

— А ты знаешь,— сказал он мне еще в самолете, просто и естественно перейдя сразу на «ты»,— ты знаешь, что до войны в Москве носили галстук-бабочку только два человека: генеральный директор ТАСС и я.

— Что вы говорите? — удивился я, потому что Аркадий Петрович ждал от меня именно удивления.

— Ну,— ответил он с вполне заслуженной им улыбкой.

Свою интеллигентность Аркадий Петрович ценил высоко и считал, что за нее полагались ему большие льготы как от государства, так и от каждого, с кем Аркадий Петрович вступал в контакт.

бя, сказал он и жалко улыбнулся нам. Он понимал, что мы тут были ни при чем. За нашими спинами ревел мутный арык, а еще полчаса тому назад его каменистое дно было сухим.

Ах, эта поздняя весна с грозами, ливнями и градобитием!..

«Здравствуйте, Мария Михайловна!

Шлю привет и наилучшие пожелания успехов в работе, счастья в жизни и отличного здоровья. Во-первых, прошу извинения, что посмел Вам написать письмо и, быть может, отвлекаю Вас на чтение от какой-нибудь важной работы, но простите. За очень небольшой промежуток времени Вы мне показались очень милой и душевно необычной. Особенно надолго сохранится в памяти последний день моего пребывания в доме отдыха. Конечно, не скрою, я мало обращал на Вас внимания, но Вы были всегда обособлены и танцевали лишь только с А. Г. или сидели где-нибудь в отдельности.

Время я провел в доме отдыха, как Вам известно, в культурном отношении удовлетворительно, но уверен, если бы мы с Вами раньше познакомились, то этот отдых был бы в несколько раз лучше. Может быть, я ошибаюсь?

Мария Михайловна, я прошу прощения за откровенность, надеюсь, что над моими чувствами посмеетесь одни, не возражаю.

Находясь на танцевальной площадке, я думаю, Вы заметили, что все внимание я обращал к Вам. И, прощаясь на перроне вокзала, когда Вы уходили, я как будто потерял что-то дорогое.

А пока до свидания, жму Вашу руку и даже более. Жду ответа. П. Ф. Бунчик».

«Здравствуйте, Павел Филиппович!

Вы напрасно извиняетесь за свое письмо, оно доставило мне большую радость. Напрасно Вы обижаетесь на мой замкнутый образ жизни в доме отдыха. Ей-богу, виновата во всем не Ваша застенчивость, а моя старомодность. Я не привыкла к белым танцам, а Вы меня не приглашали.

Последний день в д. о. и у меня остался в памяти. Он был такой солнечный, чистый, пронизанный сердечной добротой природы и окружающих людей. А над этим смеяться грешно, особенно нам, пожилым людям. И я совсем не смеюсь, а тихо радуюсь Вашему письму. Действительно, я сейчас много работаю, но это нисколько не мешает отвечать Вам.

Пишу письмо на работе. Все ушли. Время — семь часов вечера. Тихо. Только шумит холодильник. На мне белый халат. На столе гистологическая батарея, краски, ножницы, препараты. В воздухе специфический запах лаборатории: спирт, ксилол, воск, парафин. За моей спиной, в круглом аквариуме, в лучах настольной лампы, резвятся рыбки гуппи, а на густо сплетенных ветвях водяных растений красной смородиной сидят улитки различных размеров. На окне — цветы.

Я представляю, что Вы получите мое письмо в депо, сядете в поезд и в очередном ночном рейсе прочтете его, и чуточка нашего лабораторного уюта согреет Вам душу и поможет скоротать бессонные часы. Пишите мне, пожалуйста. Мы с Вами сочиним целый роман в письмах. Хотите, перейдем на стихи.

Забудем все житейские невзгоды.
Начав с привета и погоды,
О счастье напоем мотив.
Под стук колес,
Под шум на полустанке
Пытливо поглядим попутчику в глаза.

Отвечайте, жду М. Белкина».

«Здравствуйте, дорогая Мария Михайловна!

Шлю свой сердечный привет и наилучшие пожелания успехов в работе, счастья в жизни, отличного здоровья. Письмо и открытку с поздравлением меня с 1—5—69 года получил, сердечное спасибо, но прошу извинения за ответ с опозданием.

Мария Михайловна, очень много работы, и ночь приходится быть. Осваиваем новый тип тепловоза, они уже пошли, а люди не подготовлены, приходится много трудиться, но я этим не оправдываюсь. Вот сейчас, прибыв из очередного рейса, зашел в кабинет зам. начальника депо и пишу Вам письмо, а время — 23 часа. В комнате у нас стол, против меня шкаф с книгами да часы «ходики» постукивают, кругом тишина, разве только изредка простучит поезд колесами о рельсы, да слышится свисток локомотива.

Вы мне описали Ваш рабочий кабинет, а я решил описать наш в 23 часа. Из Вашего письма я понял, что Ваш кабинет лучше располагает на все, в особенности когда в нем имеется запах спирта.

Мария Михайловна, Вы пишете, что мы можем сочинить что-то вроде романа в стихах или в прозе, но признаться хочу, что у меня по этим вопросам бог не дал таланта, неспособный я на такие дела. Я восторгался Вашими стихами, будучи в доме отдыха, да и сейчас восторгаюсь.

Если откровенно сказать, я в Вас влюбился, как мальчик, а уже на пенсию пора. Некогда было раньше влюбляться, глядь-поглядь, а жизнь уже и прошла, Мария Михайловна. А теперь вот за такой короткий промежуток времени я к Вам очень привык и делюсь откровенностью, что влюбился в Вас.

Можете посмеяться над моим письмом, но прошу Вас извинить меня, не хочу, чтобы другие смеялись над моими чувствами.

Как бы я желал встретиться и поговорить о романе, но не в письмах, а завязать нам с Вами настоящий роман, да притом покрепче, чтобы никто не смог развязать. Как этому сбыться — мы далеко друг от друга, но питать надежду надо. А когда? Покажет будущее.

Крепко жму Вашу руку и все. Павел».

«Дорогой друг, здравствуйте!

Утром получила Ваше письмо, и мое настроение круто пошло вверх. Благодарю Вас, мой друг. Старой женщине особенно приятно получить такое письмо, которое доставило бы трепетную радость даже молодой. Повеяло дорожным томлением, ожиданием чего-то необыкновенного, словом, комплексом романтических чувств, которые во мне всегда рождает гудок паровоза и перестук колес.

Объясните мне, что такое роман. Это слово, как и слово «любовь», с возрастом становится для меня все менее понятным, а точнее, каждый прячет в эти слова свой смысл, и чтобы понять, надо назвать что-то прямым и более понятным именем.

Павел Филиппович, в жизни случаются самые невероятные события, и трудно предугадать, что возможно, а что невозможно. Расстояние между нами действительно велико, но будем надеяться на счастливую встречу.

Пишите, мне тепло от Ваших писем. М. Б.»

«Здравствуйте, дорогая Мария Михайловна!

Письмо Ваше получил, за которое очень

...Перед моей конторкой большое окно, из которого мне виден почти весь город.
Сначала нарисую тебе церковь.
Здесь в Бремене все торговые дома построены очень своеобразно. Крыши их смыкаются. Вот так.

Мультфильм о молодом Энгельсе

Советские и немецкие кинематографисты накануне знаменательной даты — 150-летия со дня рождения друга и соратника Маркса, великого революционера Ф. Энгельса — создали фильм «Юноша Фридрих Энгельс».

Постановщики фильма, известные советские режиссеры Федор Хитрук и Вадим Курчевский совместно с талантливыми немецкими мастерами мультипликации, работающими на студии мультипликационных фильмов ДЕФА в Дрездене, Катей и Клаусом Георги «прочитали» на экране рисунки молодого Энгельса, рассказав о становлении его идейного и научного мировоззрения.

Оживает экран, и мы оказываемся как бы рядом с молодым Энгельсом, томящимся за конторкой бременского торгового дома или на военном плацу...

Вот отодвинут в сторону унылый гроссбух с колонками надоевших цифр, и под пером Энгельса оживают письма братьям Греберам, письма близким...

Напряженно пульсирует мысль героя, рвущаяся к свободе, она становится объемной, осязаемой для зрителя... Вместе с героем мы ощущаем ненависть к той среде, где безраздельно царит дух торгашества и филистерства. Видим, как идут поиски путей духовного освобождения, как свершается переход от политического радикализма юности к подлинной революционности, связанной с признанием исторической миссии рабочего класса...

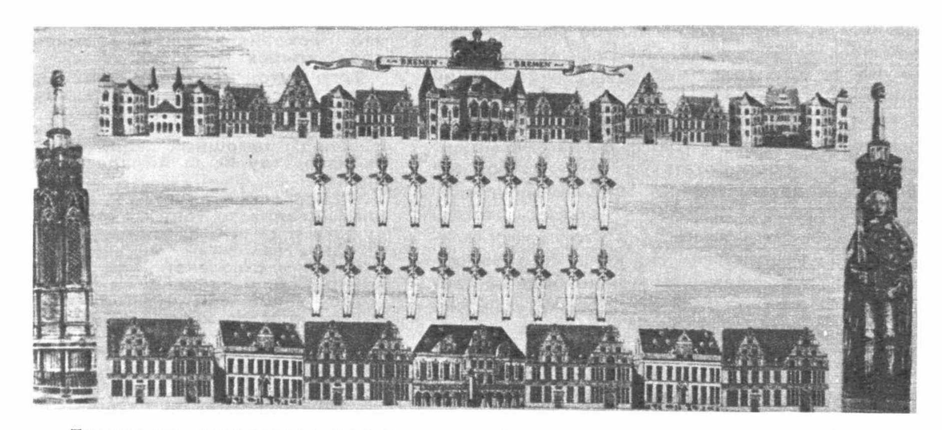
И все это рассказывают веселые, лукавые и задорные рисунки Фридриха Энгельса, ожившие на экране. Текст, которым сопровождаются рисунки, также принадлежит перу Энгельса...

Вл. РАЗУМНЫЙ

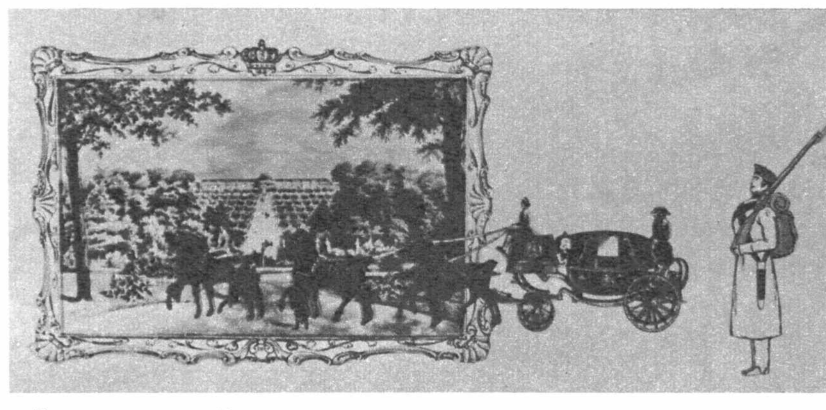

Я отрастил себе усы и забавляюсь над филистерами, которые поражены тем, что я имею наглость являться в таком виде в порядочном обществе.

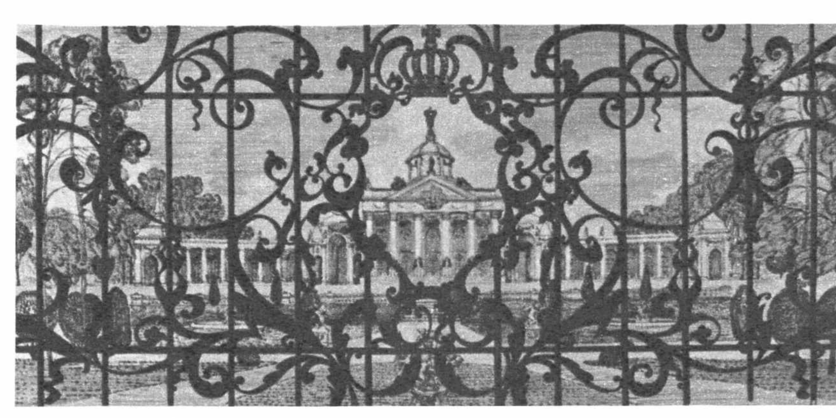
Однако дамы в восторге! Тут некие ослы основали общество и упражняются в красноречии. Эти господа не способны хотя бы в течение трех секунд последовательно развивать свою мысль. Стоит задать им пару невинных вопросов, как они тут же блестяще противоречат сами себе.

Только что вернулся с парада, который ежедневно проводится на Соборной площади, где упражняется великая ганзейская армия, примерно сорок солдат. Парад длится целых две минуты.

Энгельс к сестре Марии.
Дорогая Мария!
Могу сообщить тебе приятную новость: сегодня парада не будет, поскольку его величество король всемилостивейше изволил отбыть в Потсдам, чему я весьма рад...

Когда я вижу прусский герб, меня охватывает дух свободы.

Прусский король Фридрих-Вильгельм Справедливый. Я ненавижу этого подлеца. Нет времени более богатого преступлениями королей, чем время с 1816 по 1830 годы. Почти каждый из государей того времени заслуживает смертную казнь.

рад и очень благодарю. Еще хочу особо выразить благодарность за присланные Вами стихи собственного сочинения, я ими восторгаюсь, у Вас в этом большой талант.

Вы просите, дорогая Мария Михайловна, пояснить за «роман», что я имею в виду. Вы писали, что, установив между нами переписку, мы сможем в дальнейшем написать роман, то есть книгу, но я Вам ответил, что в этом вопросе я очень плохой Вам помощник, так как я в этом деле, откровенно говоря, профан, или, проще говоря, бестолочь, а она неопределенного рода и отсюда вывод: на поэзию я не способен. Роман, о котором я писал, это другое, может, я не так выразился, прошу извинения, ведь роман не всегда что-то хорошее, но бывает и плохое, и я бы никогда не хотел, чтобы у нас было что-то плохое, а поэтому еще раз извиняюсь за это выражение, а что я имел в нем в виду, отвечу просто и откровенно: мне бы хотелось установить с Вами самые настоящие дружеские отношения — любовные, со всеми вытекающими последствиями.

Прошу Вас извинить меня за такую нескромность, что я расписался перед Вами, такой солидной и умной женщиной, с такими необдуманными выражениями, как «роман».

Моя жизнь протекает так, без особых изменений. Работа, сон, работа. Работа — это ездить на тепловозе почти ежедневно 100—200 километров, как говорится, кто ездит — деньги платит, а я ездию — деньги зарабатываю.

Крепко жму руку, с уважением, жду ответа, Павел».

«Дорогой Павел Филиппович!

В который раз перечитываю Ваше последнее письмо. Мне кажется, что наша переписка — сплошной полонез: поклон — приседание — поклон. Была бы моя воля, я бы протянула Вам обе руки. Погода сейчас хорошая, располагает к лирике. Солнце на синем небе и нежная зелень. У нас под окном цветут вишни. И цветут они немного необычно. Кажется мне, что всегда цветы раскрываются на голых ветках, а в эту позднюю весну листья уже совсем большие. Может, я забыла все прошедшие весны и наблюдение мое неточно?

Павел Филиппович, опишите мне Ваш город, что о нем знаете. Ваши места старые, там, должно быть, что ни шаг, то открытие: древние города, храмы, поселения.

За окном Вашего поезда цветет черемуха. Пришлите мне одну маленькую ароматную звездочку.

Если Вы получите путевку и в июне будете в Москве, запишите мой служебный телефон. Позвоните, и я сразу узнаю о Вашем приезде и приеду на вокзал для свидания. А там уж поговорим о дальнейшем.

Тепла очень хочется, дорогой Павел Филиппович. Тепла и ясных дней.

И тем не менее мне очень хорошо сейчас. Дожди и солнце сеют какую-то легкую грусть и ни с чем не сравнимое очарование влажной зелени, аромата запоздалой весны.

Подсветы бывают сейчас необыкновенные, каждое мгновение ждет своего Левитана.

И что поделаешь, если уж так мы устроены, что всю жизнь ждем каких-то счастливых перемен и даже просто перемен без «счастливых».

Жду телеграммы.
М. Б.».

Когда я вернулся из Душанбе и ко мне случайно попала эта переписка хороших пожилых людей, я подумал: а что? Что если представить Павла Филипповича душанбинским жителем, куда еще в давние годы попал он из рязанских краев, если представить, что дом отдыха, где повстречался Павел Филиппович с москвичкой Марией Михайловной, находится в Солотче, если все это представить и как следует описать, то вполне может получиться рассказ с уже готовым названием «Поздняя весна».

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото К. КАСПИЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

«НОСОМ НА ВОЛНУ» АТЛАНТИКИ

ПОВОРОТ

Это был не шквал. И даже не шторм. По океану несся ураган. Он зародился у берегов Гренландии и со страшной скоростью мчался в направлении Фарерских островов. Все суда, оказавшиеся на его пути, бросились врассыпную. Главное — уйти подальше от берега. Дело не только в том, что огромный танкер или утлый средний рыболовный траулер — СРТ — выбросит на берег. Это еще полбеды: хоть экипаж может спастись. Самое страшное — береговая отмель. Здесь гигантские покатые волны натыкаются друг на друга и образуют такую сумасшедшую круговерть, что суда в ней разламываются на куски.

Плавбаза «Пионерск» с тридцатью рыболовными траулерами вела промысел в районе Фарерских островов. Убегать от урагана было поздно. Пришлось готовиться к встрече.

В таких случаях небольшие, но очень мореходные СРТ поступают по принципу: «Носом на волну — и пошел». Для этого, конечно, надо развернуться носом к волне. СРТ успели. А «Пионерск» не успел. Огромные волны подхватили судно водоизмещением в 20 тысяч тонн и погнали прямо на острова. Капитан-директор В. Т. Ковалев подсчитал: шесть часов такого хода — и корабль врежется в землю. И хотя машины работали «полный назад», плавбаза мчалась вперед.

Надо было выбрать момент и развернуться «носом на волну». Но при малейшей попытке переложить руль судно принимало угрожающе большой крен. И все же В. Т. Ковалев приказал готовиться к повороту. Закрепили груз в трюмах и на палубе, задраили все люки и иллюминаторы, проверили шлюпки и спасательные плотики, экипаж облачился в пробковые жилеты... Наконец капитан решился и приказал: «Право на борт!»

— Повернуть судно вроде нашего — дело нелегкое,— вспоминает В. Т. Ковалев.— Тут нужно и время и место. Пока мы прочерчивали огромную дугу, корабль лежал буквально на борту. Одна хорошая волна — и не миновать нам поворота «оверкиль» — так мы говорим, если корабль переворачивается вверх дном. Но все обошлось. Когда вышли «носом на волну», я оглянулся: палуба такая чистая и гладкая, будто судно только что из капитального ремонта: ни бочек, ни шлюпок, ни кранцев — все смыло за борт... Это был урага-а-ан! А сейчас пустяк. Не шторм. И даже не шквал. Хотя волнение баллов шесть-семь. Так что вы напрасно беспокоитесь. СРТ продолжают лов, мы рыбу принимаем и перерабатываем, люди себя чувствуют отлично. Даже вас не укачивает. А моряку такая качка полезна: улучшается аппетит.

Беспокоиться действительно было не о чем. Все шло нормально. Уже неделю находились мы на «Пионерске», принадлежащем Калининградской базе рефрижераторного флота, и чувствовали себя отлично. Да и на корабле все было спокойно. Правда, хороших уловов еще не было, и плавбаза работала вполсилы. Из района Гренландии третьи сутки дул противный, холодный ветер. И хотя капитан не считал его штормовым, уверяя, что качка даже полезна, то здесь, то там встречались зеленовато-бледные лица. Меньше народу стало в кинозале. Постоянно влажными были скатерти в кают-компании: чтобы посуда не скользила, в шторм их специально смачивают.

Что бы там ни говорили, а Атлантика есть Атлантика! Ветер не стихал, и нас несло прямо на Шетландские острова. Предстоял поворот «носом на волну». Невозмутимо-спокойный капитан заявил, что поворот пустячный, с тем, что был у Фарерских островов, нечего и сравнивать. И тем не менее в это утро он появился в рубке ни свет ни заря. Даже забыл побриться и вместо белоснежной рубашки натянул свитер. А молодой штурман, с начала рейса бросивший курить и постоянно сосавший леденцы, грыз их один за другим.

Капитан переключил рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед» и спросил:

— Курс?

— Двести двадцать!

— Скорость?

— Двенадцать узлов!

— Право на борт! — приказал капитан.

В следующее мгновение меня бросило на штурвал. Я кое-как оттолкнулся и тут же прилип к стенке рубки.

— Разве это поворо-о-от?! — цедил сквозь зубы капитан.— Это ж детский сад, а не поворот! Даже бочки целы. И шлюпки на месте... Молодец, боцман! Здорово все закрепил! Ни один кранец не шелохнулся.

Минут через пять мы вышли «носом на волну» и «побежали» к району промысла.

АВРАЛ

До чего же много рыбы в океане! СРТ подходят один за другим. У каждого на палубе масса бочек, набитых сайдой, треской и пикшей. Штурман плавбазы, отвечающий за прием рыбы, все время скандалит с капитанами СРТ. Рыба так и лезет в тралы, а база не может переработать в сутки больше двухсот тонн. Пришлось установить норму: четыре тонны «свежья» на один траулер, остальное солить. Но капитанам выгоднее сдать как можно больше свежей рыбы. Во-первых, за нее больше платят, во-вторых, легче потрошить, или, как здесь говорят, шкерить, и, в-третьих, экипажам СРТ просто-напросто не хочется возиться с засолкой.

Вот они и требуют, чтобы база забирала весь улов. Штурман так разнервничался, что с леденцов перешел на сухари, но стоял на своем: четыре тонны, и баста! Правда, тут же добавлял, что ограничений в приеме соленой рыбы не будет.

...В середине дня первый помощник капитана П. И. Еременко объявил по внутренней радиосети (ее называют «спикером»):

— Сегодня на базу поступило много свежей рыбы. Смены не в силах ее обработать. Всех свободных от вахт просим выйти на резку филе.

Говорят, что где-то в НИИ разрабатывают конструкции машин для резки филе. Больше того, на каких-то судах, правда, никто не знает, на каких именно, стоят механизмы, облегчающие эту работу... На «Пионерске» технология давняя.

...Бац! Здоровенная рыбина шлепнулась на разделочный стол. Рабочий хватает ее за жабры и счищает чешую. Потом надрез у головы, сильный нажим вдоль позвонка — и половинка филе падает в тазик. Теперь рыбу надо перевернуть другим боком и повторить все сначала. И так четыре часа в сутки! Норма — сто килограммов филе на человека. Это и есть так называемая подвахта. Иначе говоря, штурманы, радисты, машинисты, буфетчицы — все, кроме начальников служб, обязаны четыре часа в сутки отработать в рыбцехе. А ведь есть люди, которые режут филе и основную вахту!

Работа эта не из легких. Кругом сырость, вода. Плавники царапают руки. А транспортер подбрасывает все новые и новые рыбины. Да и у морозильных аппаратов торопят: филе после укладки в десятикилограммовые противни поступает в камеры, где трещат полярные морозы. Четыре часа промерзает нежное мясо. Потом смерзшийся блок попадает под душ. Это называется глазировкой. Образующаяся корочка льда исключает соприкосновение рыбы с воздухом, а это сохраняет филе в течение трех-четырех месяцев.

Трое суток весь экипаж резал филе. Я все пытался узнать, зачем это нужно, ведь проще рыбу солить или замораживать целиком. Наконец, помощник капитана по производству Ф. С. Айрапетов объяснил:

— Все очень просто. У нас есть план. Девяносто тонн готовой продукции в сутки. К тому же брикеты филе занимают меньше места, чем бочки с соленой или мороженой рыбой. Да и цены на филе гораздо выше. Так что все объясняется просто: хоть и трудно резать филе, зато выгодно. Если хотите, это отличный пример экономической реформы в действии.

РАДИОГРАММЫ

Утром по «спикеру» назвали имена моряков, которым пришли радиограммы. Сразу же у каюты начальника радиостанции Б. И. Плаксина образовалась очередь. Счастливчик торопливо распечатывал радиограмму, пробегал глазами, а потом где-нибудь в сторонке усаживался на кнехт или бухту троса, закуривал и не спеша, я бы даже сказал, со смаком вчитывался в каждое слово.

Четыре месяца вдали от дома — немалое испытание и для моряков и для их семей. Письма идут долго, порой по нескольку недель дожидаясь оказии. Так что вся надежда на радио.

— Обычно радиограмма попадает адресату в день отправления,— говорит Борис Иванович.— И все же радиограмма остается радиограммой. Ну, что в самом деле там напишешь?! «Жив. Здоров. Вернусь не скоро». Или: «Дома все порядке. Аттестат получила. Валя». «Ведь не письмо пишу,— считает иная Валя.— Радиограмму посылаю. Неловко распространяться о своих чувствах». Вручишь моряку такую радиограмму, повертит он ее, покрутит, чуть ли не на свет посмотрит, а потом неделю ходит сам не свой... Вы не представляете, как дорого в море теплое, ласковое слово. Вот я и решил... Когда перепечатываю радиограмму на машинке, нет-нет

В Северном море. Андрей Виноградов (справа) со своей бригадой.

С хорошим уловом.

На промысел.

Советская рыболовная флотилия в Атлантике.

Помощник тралмейстера СРТ-673 Александр Ковров.

Ни шторм, ни ветер не разлучат чаек с рыбаками.

Володя Волот — помощник кока с плавбазы «Пионерск». Это его первый рейс после окончания профтехучилища.

В солнечный день на верхней палубе плавбазы «Пионерск».

Праздник, который и в море с тобой: друзья поздравляют с днем рождения старшего электромеханика «Пионерска» Юлия Штоффа

да и добавлю два-три лишних слова. Смотришь, уже по-другому звучит суховатое послание: «Дома все в порядке. Спасибо за заботу. Аттестат получила. Люблю, скучаю. Валя».

В тот же вечер Борис Иванович принял десятка полтора радиограмм, к которым не надо было добавлять ни слова. Все они были адресованы старшему электромеханику Юлию Карловичу Штоффу.

Чуть позже, когда друзья Юлия Карловича собрались в кают-компании, чтобы поздравить его с днем рождения, все радиограммы были зачитаны. Да еще как — «в лицах», с музыкальным оформлением, с шутливыми комментариями. А потом буфетчица Аня Клыпина вручила Юлию Карловичу большущий торт. Именинник, конечно, обрадовался. Но когда преподнесли кинжал, сделанный из носа меч-рыбы, и сказали, что он должен разрезать торт этим рыбьим оружием, Юлий Карлович явно растерялся.

Но торт все же удалось «рассечь», и веселье пошло своим чередом...

НА СРТ...

Еще накануне я заметил, что солнце село в облака. Значит, быть ветру. К утру действительно подуло. Стало не просто свежо, а холодно. Пришлось натянуть ватник, резиновые сапоги и старую зюйдвестку. У врача взял мятных лепешек, на камбузе — соленых огурцов и... влез в сетку вроде большой «авоськи». Обычно в ней переносят небольшие грузы, но иногда перебрасывают и людей. Через секунду я стоял на палубе крошечного СРТ. Даже у борта его так швыряло, что сразу захотелось на крепкий и надежный «Пионерск».

Но концы уже отдали, и СРТ отвалил от базы. У меня на языке давно вертелся вопрос: «Как ищут рыбу? Чего здесь больше — научного предвидения или рыбацкого счастья?» Капитан СРТ Е. И. Салдин понимающе кивнул и пригласил в рубку.

— Вот это эхолот,— сказал он.— Если лента чистая, значит, рыбы нет. Если пошли штрихи, мы их называем показаниями, должен быть косяк.

— То есть как это «должен быть»? — удивился я.

— А так! — сказал капитан.— Сейчас мы ловим сайду, а она держится у дна. Поди тут разбери, что показывает эхолот — камни или рыбу!

Вдруг капитан сочувственно улыбнулся и заботливо предложил:

— Может, пройдем в каюту? Там есть диван, и вообще...

Он явно что-то недоговаривал, или я чего-то недопонимал. Через минуту я все понял, рванулся из рубки, но было поздно. Начался жесточайший приступ морской болезни. Около часа я висел на леерах и за это время окончательно убедился в том, как слаб и ничтожен человек... Начали поднимать трал. В другое время я бы наверняка вертелся около рыбаков и завалил их кучей вопросов. А сейчас ничего не интересовало, даже акулы, которых набилось великое множество. Я вяло следил за тем, как рыбаки хватали их за хвост, ударяли головой о планшир и выбрасывали за борт.

Прошло часа два. Тошнота вымотала окончательно, и казалось, мне уже никогда не встать на ноги... Вдруг раздалась команда капитана — поднять трал! Пришлось выбраться на палубу.

Да, это был улов! Уже по тому, как суетился тралмейстер А. Я. Виноградов, стало ясно, что в трале не одни акулы. Подняли четыре тонны сайды! Ребята тут же взялись за ножи и начали шкерить рыбу.

— Андрей Яковлевич,— спросил я тралмейстера,— что главное в вашей работе?

— Умение ремонтировать трал,— не задумываясь, ответил он.— Когда ловишь донную рыбу, трал волочится по грунту. А морское дно не бильярдный стол. Бывает, поднимешь одни лохмотья. Тут же забрасываем запасной; за время траления, а на это уходит два-три часа, я должен зашить порванный. Причем нельзя пропустить ни одной ячейки, иначе все пойдет насмарку.

Все это время Андрей Яковлевич ни на секунду не переставал орудовать специальной иглицей.

— Само собой, надо знать норов рыбы,— продолжал он.— Пикша, скажем, ленива. Держится косяком у грунта и почти не движется. Значит, надо ее накрыть и спокойненько поднять. Другое дело — сайда. Эта все время в бегах. На нее надо идти со скоростью пять узлов, иначе удерет... Опять же приходится учитывать мощность двигателя. В принципе трал может взять двадцать тонн рыбы. А поднять ее не всегда возможно. Тогда делаем так: когда трал всплывет, я беру нож и выхожу прямо на эту кишку, набитую рыбой. Иду в самый конец, разрезаю сеть и выпускаю излишки. Потом зашиваю дырку и возвращаюсь на борт.

— Куда девалась селедка? — спросил я.

Тралмейстер мрачно бросил:

— Выловили! — А потом его, если так можно выразиться, прорвало:— Знаете, сколько селедки было в этих местах! Ну, и мы ловили — и кошельками, и сетями, и тралами... А теперь пришлось запретить лов сельди в Норвежском море на три года. Ученые уверяют, что за это время расплодится... Ладно, поживем — увидим. А пока придется лакомиться треской!

Прозвучал колокол, и Андрей Яковлевич встал. Поднимали трал. Что в нем, никто не знает: акулы, сайда или опять лохмотья?.. Ненадежно оно, рыбацкое счастье!

Двое суток плавал я на СРТ. И все это время рыбаки забрасывали трал за тралом, забрасывали днем и ночью, в штиль и шторм. В конце концов нам повезло, и рыба, как говорится, пошла. Вечером, когда не осталось ни одной пустой бочки, повернули к «Пионерску». Опустился туман, швартоваться трудно, зарядил дождь, но настроение у всех отличное: мы привезли два плана «свежья», и база приняла все до последнего центнера. А тут еще передали почту...

Через минуту палуба опустела. Оказалось, что завтра в Калининград идет танкер-водолей. Лучшей оказии и быть не может. Вся команда писала письма...

ДОМОЙ!

Прощай, Атлантика! Прощай, суровый, хмурый океан! Ты был и суров и милостив. Нашим хозяевам-рыбакам подарил хорошие уловы, а нам преподал урок морской жизни. Сладкой ее не назовешь, но все же я бросил за борт монетку: говорят, это залог будущей встречи.

Когда танкер «Азнефть» перекачал «Пионерску» 900 тонн воды, а наши плечи ныли от прощальных похлопываний, когда мы оказались на непривычно узкой палубе, а с плавбазы еще кричали напутственные слова, воздух вдруг задрожал от низкого, хриплого рева! Все замерли: кто с поднятой рукой, кто с раскрытым ртом... Вы только представьте: полный штиль, бирюзовое небо, половинка солнца уже утонула, на воде сонливые чайки, застывшие лица людей — и раздирающе-тягучий рев сирены.

Полоска воды ширилась, лиц уже не разглядеть, вот и «Пионерск» превратился в точку, а над океаном еще долго висели прощальные гудки — три длинных, один короткий.

У моряков «Азнефти» свои заботы: они с утра до вечера чистили и драили судно. Потом принимались за себя: сбривали бороды, состригали шевелюры, проветривали парадные костюмы. Давно они не были дома и теперь готовились к встрече.

— За кормой двадцать пять тысяч миль, до дома рукой подать, а волнуемся страшно! — рассказывает капитан «Азнефти» Ю. Ф. Муравицкий.— Отвыкли мы и от берега и от дома. В море нас всегда ждут не дождутся. Пресной воды всегда в обрез, а у нас — полные танки свежей, холодной водички. За рейс мы развезли около семи тысяч тонн. «Поили» суда советские, кубинские, болгарские... Где брали воду? Заходили на Канарские и Шетландские острова, были в Санта-Крусе, Лас-Пальмасе, Санта-Исабеле, Пуэнт-Нуаре... Отдохнем дома недельки три, подремонтируемся — и снова в море. Скорее всего, придется работать в районе Ньюфаундлендской банки.

Через неделю поздним вечером мы ошвартовались у причала Калининградского рыбного порта. Конечно, были цветы, слезы, объятия, поцелуи. А потом... Идет моряк по пирсу, глаза влажные, лицо шальное от счастья, одной рукой обнимает жену, другой — сынишку. Через полчаса дом, празднично накрытый стол, не надо вставать на вахты и подвахты, можно съездить на охоту, сходить по грибы, побывать в театре... И вот летит моряк по пирсу. Все ближе ворота порта, все дальше корабль, кажется, еще минута — и он станет сухопутным человеком. Но все чаще и чаще оглядывается моряк на родное судно, что стоит у пирса. Простите его, дети! Простите, невесты, матери и жены! Всеми мыслями, всей душой он с вами. Но сердце моряка навсегда отдано морю...

Балтийское — Северное — Норвежское море, Атлантический океан.

Николай ШУМАКОВ

Песнь о Запорожье

Дух полыни горький.
Тишина.
Встану на пригорке —
Даль ясней видна:
На зеленой Хортице
Ровные ряды:
Яблони торопятся
Всласть испить воды.
Словно кроют крыши,—
Гром. Звенит коса.
Крупная, как вишни,
На траве роса.
Сердце светом полнится.
Небо красит алость.
Здесь казачья вольница
Начиналась...
Тут глядел Хмельницкий
Взором соколиным,
Бил поклон свой низкий
Неньке Украине.
...Днепр зеркально светел.
Виден сом на дне.
Легкий, теплый ветер
Шепчет мне:
«Здесь червонный всадник
Встретился с бедой.
И казался саблей
Месяц молодой.
Он рубился смело:
Против ста один.
Пулей ротмистр белый
В сердце угодил.
Истекая кровью,
Воздух жадно пил:
«...Батько эскадронный!
Я не отступил...»
...На раките аист.
Выплывает ГЭС —
Рукотворный айсберг —
Чудо из чудес.
В мареве мерцают
Блики на воде.
Кажется, мир зáлит
Светом добрых дел.
И бегут опоры,
Будто бы гонцы.
Их в труде упорном
Возвели отцы.
Заводские трубы
В голубой дали.
Словно курят трубки
Кобзари...
...Где в степи кострами
Рдели ковыли,
Нынче автострады
Пролегли.
Как бывало прежде
Степи не пылят.
Суховеи реже,
Зеленей поля.
...Там, где за пороги
Святослав спешил,
Город Запорожье
Размахнулся вширь.
Улицы, как руки,
Разметал.
Городом науки,
Краем стали
Стал.
Нет его красивей,
Нет его светлей.
Двести лет — счастливый,
Славный юбилей!

ЦВЕТЫ И МОЛНИИ

Махдум МАХИУДДИН

Иногда достаточно одной встречи, чтобы глубоко ощутить и навсегда сохранить в памяти живой облик человека, в особенности если это личность яркая, необычная. Таким был замечательный индийский поэт Махдум Махиуддин.

В его судьбе совместились суровая борьба и тонкая поэзия, а в самой его поэзии — молнии и цветы, гневные, бунтарские мотивы и нежнейшая, интимная лирика.

Нас познакомили с ним на Ташкентском международном симпозиуме в 1968 году. Это был шестидесятилетний крепкий, статный человек со смуглым, волевым лицом, с открытой, прямодушной, чуть застенчивой улыбкой.

Тогда зашел разговор о переводе сборника избранных стихов Махдума. Поэт собирался написать вступительное слово, обращенное к советским читателям, закончить новый цикл стихотворений.

В августе прошлого года пришло известие о скоропостижной кончине Махдума Махиуддина.

Видный деятель Ассоциации прогрессивных писателей Индии со времени ее создания в 1936 году, неутомимый борец за независимость и счастье своей родины, один из руководителей антифеодального крестьянского восстания 1948 года в Телингане, депутат Законодательного собрания своего родного штата Андхра Прадеш — таковы основные вехи напряженной жизни и деятельности этого мужественного писателя-коммуниста.

Поэт написал сравнительно немного — при жизни вышло всего три небольших сборника его стихов. Но яркая, революционно-романтическая, свободная от устарелых канонов лирика Махдума Махиуддина явилась заметным вкладом в современную прогрессивную поэзию на языке урду, заслужила широкую известность и признание. Прошлой осенью — уже посмертно — поэт был удостоен премии имени Джавахарлала Неру за 1969 год.

«Поэт живет дважды»,— гласит старинное восточное изречение. Оборвался жизненный путь Махдума Махиуддина, но продолжают звучать, бороться, волновать сердца живых суровые и нежные строки его поэзии.

С. СЕВЕРЦЕВ

Старый дворец

Вот пышный некогда дворец —
твердыня сумрачных веков,
В предсмертной алчности своей
он брать и с мертвых дань готов.
Молчат, в отчаянье застыв,
террасы и уступы стен.
Куда ни глянешь — тусклый мрак,
руины, запустенье, тлен.
В зловещих трещинах — приют
для скорпионов и для змей.
Провалы окон и дверей
полночных ужасов мрачней.
Там свора жадная живет —
раджи, тираны, торгаши,
Под наглой пышностью одежд
скрывающие гниль души.
Там мерзостный вертеп убийц,
там злодеяний громкий смех.
В роскошных спальнях палачей
бесстыдно расцветает грех.
Там рубят головы мечтам,
там истине в лицо плюют.
Там днем и ночью на торгах
людей безвинных продают.
Там смерти обучают жизнь,
там в правду подливают ложь.
Оттуда выйдя, каждый вздох
на крик отчаянья похож.
Там кровь по золоту течет,
там презирают честь и труд.
Туда любовь, мечта, весна
и по ошибке не войдут.
Над правдою смеется там
былого лицемерный дух,
Как над невинностью святой —
толпа бесстыжих потаскух.
А нищих бессловесный рой
с утра теснится у ворот:
От сластолюбцев и убийц
покорно милостыни ждет.
Затоптаны надежды в грязь,
сердца обуглились давно,
И пламя адское на дне
голодных глаз затаено...
Зачем, владыка двух миров,
вливал ты в души свет любви?
Во что сумели превратить
творенья лучшие твои!
Я знаю, кто убийцу-смерть
в свои сообщницы избрал,
Кто тризны мрачные справлял
под сводами роскошных зал!..
О юный мир, отважный мир!
Твердыню прошлого разбей!

ПОСТОЯННЫЙ АДРЕС

Кто постоянно следит за журналом «Октябрь», тот уже знаком с путевыми очерками Всеволода Кочетова, которые печатались в нем в разное время на протяжении последних десяти лет. В эти годы писатель побывал в разных странах Европы и Азии: Франции, Англии, Италии, Бельгии, Греции, Индии, на острове Цейлон. Все, что было «открыто» им в этих странах, записывалось в дневники, из которых потом и возникли очерки, составившие ныне целую книгу «Новые адреса».

В нее вошли очерки «От Парижа до Монте-Карло», «Итальянские страницы», «Там, где родился и похоронен один великий англичанин», «Остров бурь» и «Люди среди памятников». Написаны они, что называется, густо, увлекательно, интересно. Их пронизывает дух времени, запечатленный в реальных картинах увиденного писателем в путешествиях.

Правда, Вс. Кочетов отлично осознавал те неизбежные трудности, которые ему приходилось преодолевать в процессе работы над очерками. «Трудно рассказывать об увиденном... после того, как о нем рассказано на миллионах страниц»,— признается он. В самом деле, ну что, казалось бы, нового, неизвестного ранее можно, например, поведать о Елисейских полях или о Венеции, об Акрополе или о Стрэтфорде-на-Эйвоне — родине Шекспира?! Писатель и не ставит перед собой эту задачу. Он вводит нас в свое вйдение, в свое восприятие и в мир своих мыслей об увиденном. И тут, конечно, подготовленный читатель обнаружит «весомость» повествователя, которая складывается из его познаний, живых свидетельств и, наконец, из его личности.

Любая книга вообще, а публицистическая в особенности постоянно выдает профессию автора даже тогда, когда нет прямых высказываний об этом, когда профессия словно бы растворена в повествовании. Через ее призму видится мир и все в этом мире. Это еще раз доказывает и книга Вс. Кочетова.

О чем бы ни шел разговор в очерках, какую бы встречу ни воспроизводил автор, во всем чувствуется пристрастие художника, его отношение к миру и его понимание искусства и литературы. То это общие суждения, то частные замечания по проблемам искусства, а иногда и прямые оценки творчества того или иного зарубежного коллеги. И поскольку в каждом таком разговоре есть увлеченность автора, заряженность на полемику, это не оставляет равнодушным.

Писателю не по душе «розовые очки» во взгляде на заграницу, ибо через них «видится только идеальный порядок, только удобства, только красоты жизни...». Поэтому всюду, где представляется возможным, Вс. Кочетов показывает в живой реальности «противоречия капиталистического рая». Это, конечно, не значит, что сердце писателя глухо к подлинным шедеврам, созданным гением народов в прошлом и настоящем. С горечью пишет Кочетов о том, «насколько же богаче могло быть человечество, если бы материальные ценности, создаваемые руками сотен поколений, не гибли в пламени войн, не разрушались бы страшной киркой нерадивости».

«Ощущение того, что история оживает и ты сам как бы приобщаешься к ней», органически сплавлено в путевых очерках писателя с кипящей современностью. Перед читателем во всем ее многообразии встает сегодняшняя жизнь стран, о но-

---

Всеволод Кочетов. Новые адреса. Рассказы о людях и странах. «Советский писатель».

Ты — провозвестник новых бурь,
Ты — караванщик новых дней!
Весенние раскаты гроз —
гонцы могучие твои,
А стаи молний в небесах —
бойцы летучие твои.
В твоей душе — погибель всем,
кому неправда дорога,
Как стрелы Арджуны [1] — твой взор,
испепеляющий врага.
Идем!.. Капканы разорвем
стальных решеток и оков
И стяг свободы водрузим
на глыбах рухнувших веков!

Поэт

Я взял у радуг многоцветье,
у звезд похитил их горенье,
У молний выпросил сверканье,
у дней весенних опьяненье.
У свежих лоз возьму их гибкость,
прохладу — у тенистой кроны,
Богатства мне свои подарят
лесные робкие бутоны.
Чуть-чуть беспечности лукавой
возьму у юности пьянящей.
Взор красоты, с ума сводящей,
заставит сердце биться чаще.
Цветных лучей переплетенья
в свои глаза я собираю,
Из всех нестройных песен мира
напевы стройные слагаю.
Я высекаю изваянье
в краю мечты и вдохновенья,
А после в каменное сердце
вложу свое сердцебиенье.

Юность

Костром запылала юность,
и, словно к нежданному чуду,
Лучи восхищенных взоров
стремятся к ней отовсюду.
Раскрылись дремавшие чувства,
окончился возраст невинный —
Весна красоты прекрасней
зари над святой вершиной.
Круглей стали грудь и плечи —
им тесно в одежде прежней,
Как звон чеканного кубка,
стал голос хмельней, мятежней.
Куда подевалась робость,
застенчивая угрюмость?
Над хрупким побегом детства
цветком разгорелась юность.
Становится стан все гибче,
движенья — все своевольней,
А нервы — подвижней ртути,
а взоры — проворней молний.
Смеется теперь поминутно
от радости беспричинной,
А губы слегка приоткрылись —
созрели для губ мужчины.
Взгляни, как проходит бодро,
как смотрит уверенно, гордо,
Как вьются тревожно косы
и как округлились бедра.
И словно от ветки весенней,
течет от нее опьяненье,
Проходит — и звон струится
при каждом ее движенье.
Была неприметной, робкой,
а ныне рождает пламя —
Лежит уже чье-то сердце
в пыли под ее ногами.

Она

Шеи плавный изгиб,
Своенравные руки и плечи,
И лукавство бровей,
И приветливых глаз красноречье,
И стыдливость улыбки,
И нежный румянец лица —
Вот каким вспоминаю
Твой облик, пленявший сердца.
А теперь безнадежность
Читаю в чертах этих милых
И такую печаль,
Что слезами пролиться не в силах.
Что добавить еще?
Жизнь бывает короче, длинней,
А пора красоты —
Только несколько считанных дней.
Только несколько кратких ночей
Ты любила. И что же?
Ты сжигала сердца.
А теперь ты на пепел похожа.
Но идешь, ни пред кем не склоняясь,
Горда, холодна:
От всего, что пленяло,
Осталась лишь гордость одна.

На смерть Неру

Тысячью красок сверкает
Узор расписного кувшина,
Тысячи новых одежд
Планета сменить поспешила,
Но не исчез аромат,
Что свежее сандала и роз,—
Ветер весны эту душу
В долину бессмертья унес.
Вечность направила этот удар
И стрелою мгновенной
Цель поразила свою...
Благороднейший светоч вселенной,
В путь бесконечный ушел он —
Легендою стал навсегда!

Новая песня

Грянь на огненных струнах —
пусть бурей разносится пенье,
Час восстанья настал —
час бесстрашия и вдохновенья,
Смело в руки свои
всей эпохи возьми обновленье,
Время грозным мечом
над главами тиранов сверкнуть,
И прекрасного мира,
где братство царит на планете,
Справедливого мира,
где властвует правда на свете,
Обновленного мира,
где солнце по-новому светит,
Долгожданного мира
творцом и глашатаем будь!

Перевел с урду
С. Северцев.

[1] Легендарный воитель, герой древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата».

торых рассказывает Кочетов, возникают образы десятков интереснейших людей, с которыми встречался и беседовал автор во время своих поездок. Но где бы ни был писатель, мысль его то и дело возвращается к родной стране. При взгляде на творения древнего зодчества, на удивительные памятники мировой культуры автор с гордостью думает о «советских искусниках-энтузиастах, мастерах, которые в свой свободный, радостный труд вкладывают огонь души и сердца, полет фантазии, силу разума и всемогущее умение рук».

Книга путевых очерков Вс. Кочетова при всех своих открытиях «новых адресов» имеет один постоянный адрес — адрес глубокой любви советского человека к своей великой Родине. И это чувство определяет весь пафос книги, как и вообще всего творчества известного писателя.

Бор. ЛЕОНОВ

ШКОЛА ПОКОЛЕНИЯ

Комсомольцы 30-х годов... Сейчас их жизнь стала героической историей нашей страны, их труд воплотился в реальность гигантских строек и громады космических ракет. Кто же был первым строителем наших достижений? Об этих людях, об их жизни, ставшей подвигом, рассказано в книге Ивана Баукова «Юность моего друга».

В ней немного страниц, посвящена она судьбе крестьянского сына из села Тростного. Но сумел в ней писатель интересно рассказать о комсомольской юности нашей Родины, о незабываемых 30-х годах, когда Россия на глазах у изумленного мира становилась индустриальным гигантом. Не без труда уговорил отца главный герой повести Андрей Савельев отпустить его на стройку, где так изменится его характер, иными станут взгляды на цель и смысл жизни.

Один из героев повести, комсомольский работник Олесь Подопригора, говорит: «Наша жизнь — хорошая школа для будущего поколения, из нее потомки будут черпать энтузиазм и силу... Наше поколение по совершенному им героизму можно приравнять к поколению, которое совершило революцию».

Эти слова мог бы сказать и Андрей Савельев. Но не тогда, когда он жил в деревне, а лишь через несколько лет после пребывания в рядах рабочего класса. Писателю тонко и точно удалось показать, как меняется психология его героя. Андрей был настоящим тружеником. Но если в деревне он был замкнутым, недоверчивым, прижимистым, то в конце книги мы видим совсем другого Андрея. Он понял, что свет не сошелся клином на одной копейке, что не рублем единым жив человек, что есть у него и обязательно должны быть другие интересы и обязанности: что надо жить не для себя, а для людей, что надо заботиться прежде всего не о собственном благополучии, а о процветании Родины, отдавать всего себя великому делу построения социализма. Так на глазах читателя происходит становление характера Андрея, виден его духовный рост, заметно, что он стал в первые ряды строителей нового общества. Ему было с кого брать пример — с коммунистов, которых на стройке было так много. И они задавали тон во всем.

Жизнь не очень баловала Андрея, на его долю выпало столько трудностей, что их с лихвой хватило бы на десятерых. Но они не сломили героя.

«Жизнь! Как же ты все-таки прекрасна, несмотря на все твои невзгоды!» — такими словами кончается эта достойная внимания широкого круга читателей, и прежде всего молодежи, книга.

Михаил ХОДАКОВ

Иван Бауков. Юность моего друга. Издательство «Советская Россия». М., 1969.

БАНКЕТ НЕ СОСТОЯЛСЯ...

Сало ФЛОР

На каждой лекции мне обязательно задают вопрос: «Правда ли, что Фишер очень капризен?» Да, правда. Что тут удивительного, если он избалован с детских лет? Или: «Правда ли, что Фишер выкидывает всякие номера?» Да, правда. Но организаторы турниров все равно охотно его приглашают, более того, платят ему большой гонорар за участие. Роберт Фишер — большой шахматный талант.

В последние годы американский гроссмейстер добивается прекрасных результатов. Но, конечно, напрасно он часто делает сенсационные заявления, дает крикливые интервью. Так, например, в 1962 году Фишер на весь мир заявил: «Я даю Ботвиннику два очка форы в матче на первенство мира». «Бобби, вы шутите?» — спросили у американца. «Нет, это не шутка. Это всерьез».

Дело кончилось тем, что в партии на олимпиаде 1962 года в Варне Фишер не сумел выиграть у Ботвинника эндшпиль с лишней пешкой. Понятно, что журналисты не упустили возможности посмеяться над Бобби, и он расплакался. Правда, надо сказать, было ему в то время 19 лет.

Р. Фишер еще никогда не выигрывал ни одной партии у чемпиона мира. У Петросяна он выиграл, когда тот стал экс-чемпионом.

Сегодня Фишер уже не Бобби, а Роберт. Он уже не мальчик, но муж — ему 27 лет. Однако попрежнему многие его заявления не назовешь серьезными. Никогда Фишер не забывает о рекламе, хотя как шахматист он в ней, казалось бы, не нуждается. На вопрос, кто сегодня в шахматном мире самый сильный, он безапелляционно и «скромно» отвечает: Роберт Фишер.

Между Б. Спасским и Р. Фишером сложились дружеские отношения. Чемпион мира высоко ценит несомненно большой природный талант Фишера.

Впервые они встретились в 1960 году в знойной Аргентине, на курорте Мар-дель-Плата. Спасский тогда применил классический королевский гамбит и одержал победу.

На олимпиаде 1966 года в Гаване встреча друзей-соперников закончилась вничью. В Санта-Монике, на родине Фишера, в одной из партий победу вновь одержал Б. Спасский (вторая закончилась вничью).

Р. Фишер, приняв участие в «матче века» в Белграде (сборная мира против сборной СССР), надеялся сыграть четыре партии с чемпионом мира, но этому воспротивился Б. Ларсен. Фишер поначалу сделал красивый жест и уступил Ларсену право играть на первой доске, но уже через несколько часов заявил: «Не понимаю, как я мог допустить такую глупость».

В этом году Р. Фишер просто свирепствует за шахматной доской: великолепная победа в «матче века», затем успех на турнирах в Загребе и Буэнос-Айресе, не говоря уже о такой мелочи, как блицтурнир.

Не удивительно поэтому, что встреча Спасский — Фишер на нынешней олимпиаде вызвала прямо-таки лихорадочный интерес. Это была самая важная партия 1970 года. Выиграй Фишер, его уж было бы просто невозможно уговорить, что не он чемпион мира.

В Зигене организаторам опять пришлось согласиться на некоторые особые требования Фишера. В футболе есть правило, что при штрафном ударе футболисты другой команды, создавая так называемую стенку, должны соблюдать дистанцию в девять метров. Фишер заставил судей отодвинуть от него «стенку» зрителей на девять метров. Он всегда играл за одним и тем же столиком, и его противники, таким образом, каждый раз являлись как бы на аудиенцию к Фишеру.

Воскресенье 20 сентября было великим шахматным днем. Очевидцы рассказывают, что дороги вокруг Зигена были забиты автомашинами любителей шахмат. Ясно, что не все желающие могли попасть на матч СССР — США. Для партии Спасский — Фишер было выделено пять демонстрационных досок.

Американская делегация, не сомневавшаяся в исходе встречи, заранее заказала банкет в честь предстоящей победы своего лидера.

В эти дни в Зигене работал и конгресс ФИДЕ. «Конгрессмены» из разных стран с повышенным интересом ожидали результата партии Спасский — Фишер. Дело в том, что многие шахматные деятели просили конгресс ФИДЕ предоставить Фишеру — невиданная вещь! — персональное право вызвать Спасского на матч. Победа Фишера явилась бы, по их мнению, важным козырем в этих стремлениях.

У Фишера есть меценаты, они, разумеется, охотно финансируют его встречу со Спасским. Тут удивляться нечему. Но все же хочется отметить, что не последнюю роль в сей неблаговидной истории играет сам Фишер. Он-то должен знать и понимать, что сегодня такие вопросы решает не капитал (как, к сожалению, бывало неоднократно в прошлом), а строгая отборочная система. Очередь, в которой стоят шахматисты, нисколько не менее крупные, чем Фишер, нарушать нельзя.

Партия года закончилась блестящей победой Спасского. На этот раз Фишер не плакал, переживал свое поражение горько, но с достоинством. На конгрессе ФИДЕ все утихло. Вопрос о предоставлении Фишеру права на матч с чемпионом мира был снят. Банкет не состоялся...

Шахматный мир надеется, что Фишер примет участие в борьбе за право сыграть матч с чемпионом мира, но в рамках регламента, а не через «черный ход».

А теперь познакомьтесь с поединком в Зигене.

Б. Спасский — Р. Фишер

Защита Грюнфельда

1. d2 — d4 Кg8 — f6
2. c2 — c4 g7 — g6
3. Кb1 — c3 d7 — d5
4. c4 : d5 Кf6 : d5
5. e2 — e4 Кd5 : c3
6. b2 : c3 Сf8 — g7
7. Сf1 — c4 c7 — c5
8. Кg1 — e2 Кb8 — c6
9. Сc1 — e3 0 — 0
10. 0 — 0 Фd8 — c7
11. Лa1 — c1 Лf8 — d8

Пока мы видим копию встречи между этими же соперниками в 1966 году в Санта-Монике (США). Там Спасский продолжал 12. Фe1 e6 13. f4 Кa5 14. Сd3 f5 15. Лd1 b6 16. Фf2 cd 17. С:d4 С:d4 18. cd Сb7 19. Кg3 Фf7 20. d5 fe 21. de Ф:e6 22. f5 и одержал победу. Несмотря на приятные воспоминания об этой партии, Спасский все же следующим ходом решил сыграть по-иному. Почему? Это может сказать лишь сам Спасский. Возможно, за четыре года он установил, что 12. Фe1 не сильнейший ход. Что касается Фишера, то о нем знают как о неутомимом работяге за доской, и он, несомненно, нашел для себя усиление в этом варианте. Таким образом, зигенское сражение имело не только колоссальное спортивное значение, но и теоретическую ценность.

12. h2 — h3 b7 — b6
13. f2 — f4 e7 — e6
14. Фd1 — e1 Кc6 — a5
15. Сc4 — d3 f7 — f5
16. g2 — g4 ...

Публика не зря спешила на шахматное дерби Спасский — Фишер. Их партии никогда не были скучными. Ходом в тексте чемпион мира подчеркивает свои агрессивные намерения. Вперед!

16. ... f5 : e4
17. Сd3 : e4 Сc8 — b7
18. Кe2 — g3 Кa5 — c4
19. Сe4 : b7 Фc7 : b7
20. Сe3 — f2 Фb7 — c6

Пока что Фишер безупречен и можно подвести итоги дебюта: черные уравняли игру.

21. Фe1 — e2 c5 : d4
22. c3 : d4 b6 — b5

А это уже спорный момент: не лучше ли было черным путем 22... Лa — c8 развивать ладью и не ослаблять поле c5?

23. Кg3 — e4 Сg7 : d4

Вся олимпиада во главе с новым президентом ФИДЕ профессором М. Эйве считала, что Фишер напрасно пожадничал, взяв пешку. Вместо этого рекомендовали ход 23... Лe8, что якобы давало черным лучшую позицию. С этим, прошу прощения, трудно согласиться. О каком позиционном преимуществе черных может идти речь после 23... Лe8 24. a4 a6 25. Кc5 — просто не видно. Сразу сказывается слабость поля c5. Фишер именно поэтому решил уничтожить пешку на d4. Его моральный успех заключался в том, что по всему Зигену поклонники распространили радостное сообщение: Фишер выиграл пешку! Очевидцы битвы под Зигеном рассказывают, что самым спокойным человеком в день великих шахмат был... Борис Спасский.

24. Кe4 — g5 Сd4 : f2 +

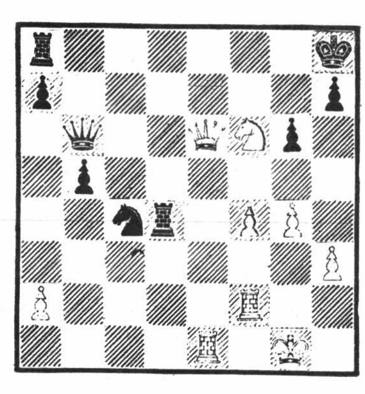
И за этот размен попало Фишеру от знатоков-критиков. Надо было отступить слоном на g7 или f6 — таково было общее мнение.

25. Лf1 : f2 Лd8 — d6

Давно не было, чтобы ходы Фишера подвергались такой строгой критике, как в этой партии. Спрашивали у него, почему он не играл «просто» 25... Лe8. Ясно, что Фишер видел этот ход, но кому охота уйти ладьей с линии «d»?

26. Лc1 — e1 Фc6 — b6
27. Кg5 — e4 Лd6 — d4
28. Кe4 — f6 + Крg8 — h8
29. Фe2 : e6! ...

Р. Фишер

Б. Спасский

На первый взгляд может показаться, что Спасский грубо ошибся; на самом деле чемпион мира точно рассчитал вариант и одновременно поставил хитрую ловушку.

29. ... Лd4 — d6

Фишер разгадал хитрость. Дело в том, что путем 29... Лd1 черные вроде бы могли спасти партию. Но именно «вроде». На 29... Лd1 Спасский подготовил своему партнеру неприятный сюрприз, а именно: 30. Фf7! Л:e1 + 31. Крg2 Фc6 + 32. Крg3 Лe3 + 33. Крh2 Л:h3 + 34. Кр:h3 Фh1 + 35. Лh2, и вечного шаха у черных нет.

30. Фe6 — e4 Лa8 — f8
31. g4 — g5 ...

При позиции белого коня на f6 появляются матовые мотивы. Фишер попал под неотразимую атаку, которую Спасский проводит с сокрушительной силой.

31. ... Лd4 — d2
32. Лe1 — f1 Фb6 — c7

Этот ход считался последней ошибкой Фишера, и критики полагали, что шансы на ничью давало продолжение 32... Кd6 33. Фe5 Фd4. Но это не соответствует действительности, ибо после 35. Фe7 также побеждают белые.

33. Лf2 : d2 Кc4 : d2
34. Фe4 — d4! Лf8 — d8
35. Кf6 — d5 + Крh8 — g8
36. Лf1 — f2 Кd2 — c4
37. Лf2 — e2 Лd8 — d6

У черных нет разумного хода. В случае 37... Фb6 решает 38. Лe8 +. До самого конца партии Фишер страдает от слабостей по диагонали a1 — h8. Он переоценил свои возможности, когда на 24-м ходу разменял чернопольного слона.

38. Лe2 — e8 + Крg8 — f7
39. Лe8 — f8 +

Фишер сдался.

В Зигене были строго запрещены аплодисменты, чтобы не мешать участникам. Но на этот раз никакие запреты не помогли. Публика устроила Борису Спасскому бурную овацию.

Людмила Витковская со своими питомцами.

Борис Башкатов.

ЛЬВЫ, ЖЕЛЕЗКИ И ВИКТОРИНЫ

Каких только не бывает увлечений! Людские пристрастия необычайно разнообразны.

Вот тридцать строк про увлечения трех жителей Ростова-на-Дону.

...В театре комедии помощник режиссера Людмила Витковская очень любит животных, точнее, диких зверей. В ее квартире росли волки и лисицы, еноты и орлы. А сейчас она воспитывает... льва, тигра и леопарда. Свой отпуск Людмила Витковская проводит в зоопарке, ухаживая за животными.

...Начальник проектно-сметного бюро «Горжилуправления» А. Галустян стал конструктором-самоучкой. «Это у меня с детства! Всегда с железками возился. Вот и соорудил машину. Вроде бы пока не разваливается...» Галустян сделал ее из фанеры и запчастей для разных мотоциклов. Машина уже «накатала» больше, чем иные серийные «Москвичи». А ее автор получил специальный приз: «За энтузиазм и неутомимость автопутешественника».

...Заинтересовал меня своим необычным увлечением и инженер Б. Башкатов: он занимал призовые места в четырех международных конкурсах-викторинах, посвященных содружеству социалистических стран.

Но и это не все. Башкатов — призер и других конкурсов: «Встреча на Шипке» — первое место; «Плевен — Ростов — Дружба» — второе. Получал он дипломы и награды в конкурсах «50 лет мой Родины», «Интергормаш-67» и так далее.

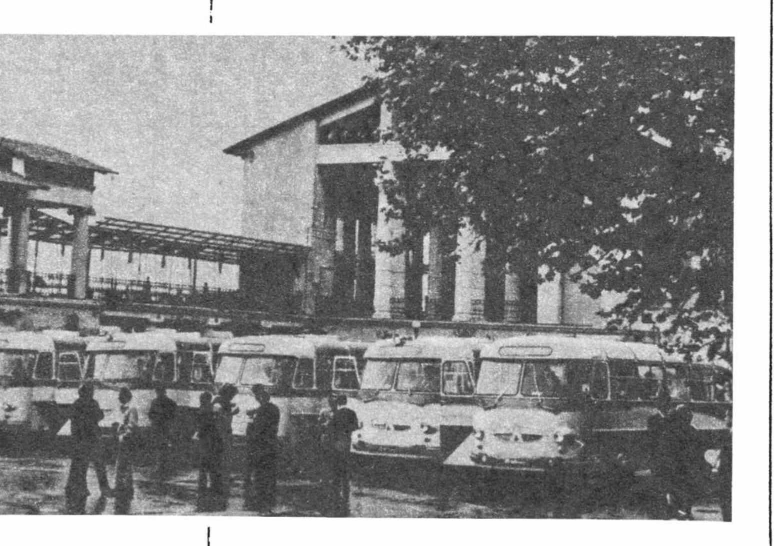
— Вы спрашиваете, ради чего мучаюсь?— улыбается Башкатов.— Ведь это так любопытно — рыться в справочниках и путеводителях, искать интересных людей, увлекательные события, изучать языки...

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Фото автора.

Александр Галустян и его автомобиль.

«ПОСМОТРИТЕ НАЛЕВО, ПОСМОТРИТЕ НАПРАВО...»

Сочи — прославленный, любимейший курорт! Здесь можно не только хорошо отдохнуть и полечиться, но и многое посмотреть, узнать — в бюро экскурсий и путешествий предложат вам на выбор 170 различных маршрутов.

...Полдень, жарко. Экскурсанты собираются у кафе «Новинка» на Платановой аллее. Самое популярное путешествие, которое не упускает ни один из отдыхающих,— по городу. Экскурсию ведет Аким Акимович Воскобойников. Право же, ему не позавидуешь — такое равнодушие написано на загорелых утомленных лицах. «Посмотрите налево, посмотрите направо...» Никуда, как говорится, не денешься, и изо дня в день десятки экскурсоводов повторяют эти навязшие в зубах слова. Вот и Аким Акимович тоже. Ему, конечно, не придумать ничего такого, что бы раньше не было написано в книгах. И вообще излагать факты — дело нехитрое. А вот сумей-ка то, что всем давно известно, так «подать», чтобы было «как новенькое»! Воскобойникову это вполне удается.

В прошлом году 1 800 тысяч человек проехали и прошли по дорогам и тропам Черноморского побережья Кавказа с путевками сочинского бюро экскурсий и путешествий. Их обслуживало около 300 экскурсоводов. 124 из них работают в бюро постоянно, остальные — только в течение курортного сезона. Таких экскурсоводов-«сезонников» готовят на специальных трехмесячных курсах. Будущим гидам читают лекции на разнообразнейшие темы — по литературе, истории, геологии, зоологии и ботанике: ведь экскурсовод обязан знать «все о немногом и понемногу обо всем». После лекций обычно идут практические занятия: методисты придирчиво слушают рассказы гидов-«сезонников», сами съездят с новичками не один раз и только тогда уж выпустят их на маршрут.

Новоиспеченный гид рассказывает о Сухуми, изредка заглядывает в блокнот — «на всякий пожарный».

— Стоп! А в обезьяний питомник вы когда собираетесь? Э-э, так дело не пойдет. Пусть люди сначала позавтракают плотненько, потом искупаются, а уж тогда и идти можно. Ведь это мы работаем, а они гости наши, они отдыхают...

Без знаний, без специальной подготовки, без эрудиции — тут ни шагу. Поэтому и открылся в одном из ростовских вузов факультет, который специально занимается подготовкой экскурсоводов.

Путешествия, туризм сегодня любимы и популярны, как никогда. Не сегодня-завтра это станет отраслью народного хозяйства. Увидеть новые места, узнать о них то, чего раньше не знал и о чем не читал, теперь для многих куда важнее, чем бессмысленная погоня за загаром на пляже...

Т. НИКОНОВА

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА

Биль с Мазайсом вышли к месту предстоящей операции около десяти часов вечера... Перед этим они передали на борт катера «Люрсен-С» радиограмму, в которой говорилось, что погода благоприятная, что луна зайдет в половине первого, безлунная ночь продлится до четырех утра, затем рассвет. Все это относилось к шестнадцатому мая...

Они должны были обеспечивать радиообмен во время высадки. Мазайс еще днем обследовал приморскую полосу. На один из мысов он и привел Биля. Внизу — море, вверху — лес.

Оставил Биля, а сам отправился расставлять беаконы. Они должны были стоять в одну линию, все три беакона, чтобы катер «Люрсен-С» мог выйти на их сигнал. Люди заняли свои места на вершине мыска, чтобы в нужный миг помочь десантникам.

Биль развернул станцию. Скоро на ключе заработали С «Люрсена» спрашивали: «Что у вас...» Биль ответил: «Тихо...»

Вернулся Мазайс. Последнее дерево оказалось слишком высоким: еле взобрался на вершину и поставил беакон. Он не беспокоился. Высадка пройдет хорошо. Когда-то раньше англичане тревожили понапрасну, теперь этого не случается.

Пока они разговаривали, станция передала сигнал: «Вижу вас!»

Биль и Мазайс пытались разглядеть во мгле катер, но увидели только лодку, что ныряла в море,— какое море ни тихое, для лодки всегда волна!

И вот лодка прильнула к берегу и стала не видна. Там, должно быть, сейчас командует Граф, принимает людей, заставляет тащить на верхнюю полосу, под защиту леса, грузы, перебрасывает в лодку заранее подготовленные для англичан дезинформационные документы и книги и гонит, гонит шпионов все дальше в лес...

Но вот лодка снова в море, она уходит...

Мазайс приказал Билю свертывать станцию. Сняли беаконы и что есть силы пустились догонять отряд.

Биль попытался сказать: пойдем медленнее! Мазайс вдруг вскипел:

— А ты понимаешь, что вокруг пограничники? Давай! Давай! — Это он выговорил по-русски.

Вдруг Биль бросился на землю, то же сделал и Мазайс. Совсем рядом, так что отчетливо были слышны шаги, прошел пограничный наряд.

Затаившись, долго лежали. Когда наряд прошел, Биль вздохнул с облегчением. Но Мазайс хмуро сказал:

— Смотри иди осторожно, как рысь!

Они шли к своим как раз в тот миг, когда десантники и встречающие укладывали громоздкие вещи и оружие в тайник.

Новых было три человека. По тому, как вежливо и учтиво разговаривали двое с третьим, Биль понял: вот это и есть мастер по паспортам...

Пришли к первому бункеру, Граф приказал позавтракать и через полчаса следовать дальше.

Уже высоко стояло солнце, когда добрались до того бункера. Скинули обувь, сбро-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—40.

сили куртки и пальто. Граф отдал приказ двоим выйти в секрет.

Биль, уставший от многих бессонных ночей, быстро заснул.

Проснулся он к обеду. Кох уже гремел тарелками.

Кох не ходил на встречу, Граф отправил его к пособникам, приказал вернуться утром и заняться обедом, да не простым, а именинным. Правда, еще вопрос: понравятся ли эти самые именины господам из Англии?

За обедом начали разговор с новенькими. Те не смущались, рассуждали просто: если так хорошо в лесу, то надо идти дальше — в города, в другие республики. Граф молчал, помалкивали и остальные. Пусть выговорятся приезжие.

Только мастер по паспортам оказался неразговорчивым. То ли устал, то ли был молчаливым отроду.

К концу обеда, когда уже подвыпили, кто-то спросил у мастера:

— А как будет с паспортами и советскими документами?

Мастер сказал только:

ЮТСЯ

— Когда руководители достанут вещи из тайника...

Позже, вечером, Биль подсмотрел, как мастер увлек Графа в сторону. Они разговаривали не меньше часа...

В пять пятнадцать утра Биль поднялся, отбил радиограмму: «В порядке! Прибыло три человека!» Граф встал, подошел к нему:

— Попроси связь на завтра. Есть радиограммы, но ты не успеешь сейчас зашифровать их.

Биль запросил время на завтра.

Ночью он зашифровал радиограмму Будриса. Будрис подтвердил, что готовит Лидумса к поездке в известный ему город № 12... Далее шла приписка Графа. Граф сообщал, что десантники поделились деньгами с Будрисом, Лидумс обеспечен для поездки...

Беспокойная жизнь Биля продолжалась: англичане вызывали его ежедневно, надо было менять места передач, уходить с утра на десять — пятнадцать километров, ждать ночи...

После высадки десанта в радиограмме англичане извинились перед Будрисом за несостоявшуюся встречу Юрки и неизвестного моряка:

«8 с — 247. Наш моряк не встретился с Юркой в Вентспилсе и был вынужден оставить деньги недалеко от Риги. От шоссе Есига — Взморье, за первым километровым столбом от Риги отходит влево дорога на Бабите. На левой стороне дороги, в двадцати метрах от шоссе, в кустах стоит деревянный столбик высотой в два метра с прикрепленной металлической надписью «53». В пятидесяти сантиметрах от столбика, в сторону шоссе, на глубине пятнадцати сантиметров закопан пакет в целлофановой упаковке, в котором находится пятьдесят тысяч рублей. Десантникам деньги следует возвратить...»

Вот эта радиограмма и взвинтила Биля. Если за шпионаж платят так хорошо, то, значит, можно им заниматься!

Передал ее Графу, спросил:

— А почему бы мне не поехать в этот город номер двенадцать?

— Сиди уж! — отмахнулся Граф.— Ты же сам понимаешь, что получать на банковский счет деньги куда приятнее, чем рисковать своей шкурой! Ты можешь сказать, удастся ли Лидумсу выпутаться?

— А ты знаешь, сколько нам платят?

— У нас был при Вилксе свой радист, ему начисляли каждую неделю по двадцать фунтов!

— А я получаю всего десять фунтов в неделю. Но если мне повезет, тогда я переквалифицируюсь в шпионы, буду получать по пятьдесят тысяч в валюте той страны, в которой буду находиться...

Слава Лидумса не давала ему спать. В конце концов он обратился с письмом-радиограммой на имя Силайса. Он просил дать ему задание. В ответ получил:

— Сиди смирно!

Через неделю Будрис передал радиограмму:

«Деньги получены. Лидумс выезжает в город № 12».

Так вот и получилось, что поехал-то все-таки Лидумс, а не Биль. А Билю так хотелось попасть в этот неизвестный город.

28

Мастера по паспортам звали Кристи. Седой, испуганный человек этот весьма интересовал Графа. В первый же день, когда они прогуливались около бункера вдвоем, Граф спросил:

— Вы уже свое отвоевали, зачем пожилому латышу ехать сюда?

— Проклятая профессия! — пожаловался Кристи.

— Подделывали бы векселя и другие ценные бумаги, глядишь, если бы схватили вас, получили бы за мошенничество пять лет, а то и три года, отсидели, вышли — и мошенничай снова!

— Вот меня и взяли прямо из тюрьмы...

— Из тюрьмы?

— Взяли меня осенью,— продолжал Кристи.— Суд был короткий, но срок оказался вдвое длиннее, чем следовало бы. Я еще призадумался: почему срок увеличен? А тут ко мне в камеру заявился некий господин Силайс и стал уговаривать, что в тюрьме я погибну, а в лесах Латвии есть моему искусству потребители!

«Так,— думал Граф,— осенью Силайс еще только обхаживал этого мастера. Хорош гусь, этот Силайс!»

— А что же дальше? Не держал он тебя всю зиму в камере?

— Лучше бы в камере! — пожаловался Кристи.— Я бы и там не умер! А то взял в шпионскую школу, учил прыгать с парашютом, а все мои дела — изготовлять паспорта и другие советские документы! И никуда ни на шаг без провожатого!

— Как же ты станешь делать документы? — спросил Граф.

— В багаже у нас лежат в чемодане двадцать паспортов и другие документы. Вся беда в том, что они все одной серии. С этими паспортами лучше жить в деревнях, где никто на паспорта особого внимания не обращает. И работать надо по самым тихим углам: на тракторе, в лесничестве. А еще лучше — выехать из Латвии и по истечении пяти лет поменять паспорт...

— Ты думаешь, что их там и поменяют? — сурово спросил Граф.

— Ну, я надеюсь...— промямлил Кристи.

Однако ж все беспаспортные «болотные черти» воспылали желанием приобрести новые «виды на жительство». И пришлось Графу с Мазайсом отправляться в длинный поход за багажом новых «туристов».

В делах операции «Янтарное море» осталась опись имущества, в которой указывается, что группа привезла с собой четыре новые рации с аккумуляторами, оружие, новые шифры, яды и двадцать новеньких паспортов и другие советские документы, да к каждому паспорту приложен пакет с деньгами — по сорок тысяч рублей,— на обзаведение, после того как окажутся на новом месте, каждому человеку.

На пятый день шпионы доставили в лагерь свое имущество. Кох с утра отправился к пособникам за угощением и водкой. Деньги у шпионов еще были, нужно было лишь сходить в магазин и купить, чего сами «лесные ребята» не делали...

На другой день после «загула» Кристи сказал Графу:

— Необходимо послать кого-нибудь за фотобумагой и химикалиями. У нас есть отличная бумага, но английская, а наше дело сложное: сделать все так, как оно здесь делается.

Кох поехал к Юрке, что сидел в Вентспилсе, прожил у него три дня и вернулся с фотоаппаратом, бумагой и химикалиями.

Снимали сначала лес, потом проявили снимки, спрятав свечу в красный фонарик. Позитивы получились отличные.

На следующий день Кристи с утра начал готовить фотографии. Для этой цели принесли какой-то уцелевший стул, завесили наружный угол бункера.

Когда фотографии подсохли, Кристи пригласил всех посмотреть его работу.

Еще один день Кристи снимал людей. Вечером, после проявления, он вышел с Графом «погулять».

— Можно было бы и начинать работу, есть у меня необходимые краски и чернила, но хотелось бы взглянуть на настоящий паспорт. Как он заполняется? Как ставятся печати? Если вы не принесете мне два или три паспорта, я могу наделать таких ошибок, что ребятам придется худо...

— Что ж, я подумаю. Надеюсь, что паспорта нужны не сейчас?

— Да уж если я взялся, то лучше бы все сделать вовремя!

— Ладно, завтра пошлю кого-нибудь за паспортами. Какие еще просьбы?

— Очень хотел бы, чтобы никто не подглядывал, как я работаю.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему! А сейчас вернитесь в бункер, пошлите ко мне Мазайса и Коха. Они сходят за паспортами.

Инструктаж Мазайса и Коха был корот-

КАКИМИ БЫЛИ ЯАН, ПУЛГА И КУТСАР?

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Летит навстречу бетонированная, всячески ограниченная правилами движения, белыми линиями и столбиками, самая современная дорога. Но дорога может обернуться и чародейкой, стоит только свернуть с ее главного ствола на боковые ветки.

Свернули? Теперь только ленточка асфальта связывает вас с городом, с настоящим. Остальное — все в прошлом. Поместье знатного барона и одновременно — чего не бывало в прошлом! — богатого купца Жерара де Сукантона. Барон-купец был, однако, не только сухим дельцом, но и романтиком, он назвал свое поместье по-итальянски «Рокка аль Маре» — «Скалы над Морем». Он весьма приблизительно, по обрыву над морем, увидел сходство эстонской природы с итальянской. На самом деле здесь от всего веет милым севером.

Как в старой сказке, кольцом-кругом идет дорога. Выйди из кольца — и попадешь вдруг на необычайную улицу: на ней мельницы, одни только мельницы. А то можно свернуть к морю, к низкому берегу, где воду можно погладить ладонью,— и окажешься среди амбаров, одних только амбаров. Не только с улицы Амбаров на улицу Мельниц совсем просто перейти, так же просто можно шагнуть из восемнадцатого века в девятнадцатый и обратно. Словом, все просто. Так может быть только в музеях. «Рокка аль Маре» и есть парк-музей Эстонской ССР, заповедник народного быта и крестьянской архитектуры.

Расположенное под самым Таллином, бывшее поместье Жерара де Сукантона оказалось словно маленьким слепком ландшафта всей Эстонии — здесь есть и холмы, как в южной Эстонии, и равнина, подобная центральной части, и приморский облик запада и островов. Разглядев эти особенности и возможности, архитектор Х. Хейнсаар спланировал по зонам маленькие слепки эстонской жизни двух прошлых веков.

Уходит из наших домов строительное дерево. Уходит из деревни серый от дождя и серебристый от солнца цвет деревянных изб. Уходит запах бревенчатых стен, запах тепла и копоти. В этом — наша история. Остановишься вдруг у грубо срубленного угла дома Сасси Яана и долго, словно в некую глубь, всматриваешься в древний узор древесных кругов. Пора дереву уходить: иные настали времена, иные достатки, нынче в эстонской деревне крестьяне строят очень красивые, прочные каменные коттеджи. А здесь, в «Рокка аль Маре», старое серебристо-серое дерево стоит зна́ком человеческой одаренности давно минувших лет.

Первым появился в музее дом Сасси Яана. Точнее, не дом, а жилая рига — такая постройка, где под одной крышей люди и жили, и сушили, и обмолачивали хлеб. Жилая рига Сасси Яана вывезена из теперешнего Хаапсалуского района, из деревни Кулламаа. Возможно, что это одна из самых старых деревянных построек Эстонии,— она срублена во второй половине восемнадцатого века. Наверное, строитель был богатырь! Приволок из лесу для первого венца два огромных дерева с корневищами, окорил и поставил корнями вверх, так что сам собой образовался дверной проем. Окна сделал крохотные, двери низкие, пороги высокие — надо было беречь тепло. Высокая соломенная крыша совсем наехала на окна, как большая шапка на глаза. Громоздкая закоптелая печь сушила снопы, одновременно обогревая людей. В этом помещении время от времени все семейство мылось и парилось — в западной Эстонии два века назад бань и в помине не было. От дыма и копоти молодежь с наступлением весны переселялась в амбары и на сеновал. И в амбарах, в хлевах, колодцах тоже есть тяжеловесная красота «топорной работы» — все здесь срублено топором.

Хутор Кёстриасеме на целую сотню лет моложе зданий Сасси Яана, здания выглядят полегче — здесь хозяин уже пользовался пилой. А хутор Пулга привезен из северной Эстонии, из деревни Уури. Ему тоже 100 лет. Здесь много построек — та же жилая рига, амбар, хлев, кузница, сенной сарай. К воротам ведет дорога, огороженная типичным для Эстонии низким, сложенным из плоского плитняка забором.

Жилая рига Кутсара, водяная мельница из деревни Кахала, несколько ветряков, амбары на берегу в рядок, гранитные верстовые столбы — так этнографы по крупицам разыскивают и воссоздают в «Рокка аль Маре» деревенскую деревянную Эстонию.

В домах стоит утварь восемнадцатого и девятнадцатого веков, почти вся деревянная, с простым и строгим резным или выжженным орнаментом. А вязанье и ткани говорят о неутолимом желании эстонских женщин той поры внести хоть чем-нибудь яркость в темную жизнь закоптелых риг. Украшено женскими руками все, что можно украсить: будничная скатерть, варежки мужа, половички, детские шерстяные носочки и свой праздничный наряд. Молодые художницы останавливаются у столов и кроватей, срисовывают орнамент — вечный источник красоты оставили в наследство прабабушки.

В парке оставлен кусок земли и для материальной культуры XX века. Что-то отберут будущие этнографы из многообразия нашей жизни?

●

кий: сходить к пособникам, взять у них на время паспорта...

После возвращения Мазайса и Коха Граф вручил Кристи подлинные советские паспорта.

На третий день с утра Граф поднял людей и приказал Коху вести всех в Тераидское лесничество, там подготовить запасной бункер, поставить печь, проще всего глинобитную, с трубой, просушить землянку, через две недели им пора будет переселяться...

На следующий день все участники группы отбыли, оставив Кристи и Графа на базе.

Вот тут Граф подивился! Кристи занялся уборкой. Подмел пол, вымыл стол, постелил брезент, прибил его к крышке стола и только тогда словно бы предупреждающе посмотрел на Графа. И тот понял — пора уходить.

Он пошел готовить обед. Приготовив на двоих, Граф пригласил Кристи к столу. Тот вышел хмурый, сел, принялся есть. Поел и ушел обратно...

Граф сунул в карман пистолет, лежавший на столе, пошел по лесу. Вернулся около семи часов. Кристи вышел навстречу, сказал:

— Получилось! Все получилось! — Потом, немного помолчав, добавил: — Два бланка все же испортил. Может быть, удастся их исправить. Хотите посмотреть?

Граф вошел в бункер. Стол был придвинут к окну, на нем лежали грудой паспорта. Граф взглянул на Кристи, тот кивнул — берите! Взял и развернул паспорт.

Сначала он не поверил, взглянул на свет под углом, не смыта ли краска от печатных букв? Но паспорт был новеньким. С гербовыми печатями и штампом о прописке, и недоставало только фамилии...

Граф сказал не без восхищения:

— Здорово, Кристи! Очень здорово!

Никаких инструментов, ни печатей, ничего похожего на столе не было. Должно быть, Кристи убрал все до того, как вышел к Графу.

На следующий день Кристи вписывал в паспорта вымышленные фамилии.

— Ну что ж, подождем командира! — заметил Граф.— Будрис будет у нас в бункере дня через два. А к тому времени вернутся все наши люди из Тераидского лесничества... Вот они и станут самыми строгими судьями вашей работы, Кристи!

Кристи промолчал. Спрятал паспорта и другие документы в свой чемодан, сел ужинать. Попросил у Графа водки, выпили за его здоровье.

Через день в бункер вернулся весь отряд. Граф встретил их, проводил до бункера, а сам вернулся встречать Будриса...

Будрис снял с плеч тяжелый рюкзак, повесил на гвоздь охотничье ружье, поздоровался, пожал руки новеньким, поздравив их с прибытием в Латвию. Потом кивнул на рюкзак:

— В лес с пустыми руками не ходят!

Вышли на улицу и присели на дровах. Будрис стал расспрашивать о житье лесных людей. Граф ответил, что «синие» давненько не показывались в лесу. Биль подосадовал, англичане заставляют его и Мазайса шляться по лесу, но тут Будрис сказал, что их «шляния» позволяют остальным сидеть спокойно...

Затем заговорили о паспортах. Кристи вернулся в бункер и принес их. Сначала паспорта рассматривал Будрис, потом передавал из рук в руки. Кристи собрал документы и снова спрятал в свой чемодан. Кто-то из шпионов попросил:

— Проще всего раздать бы их сегодня!

Будрис усмехнулся и спросил:

— Как вы думаете, с оружием в руках, в лесной одежде, в бункере паспорт вам очень понадобится? Правильнее всего: все паспорта будут находиться у командира отряда или у его помощника. Выдавать их будут только в тот день, когда кто-нибудь поедет исполнять задание по разведке. Провал одного будет провалом для всех, так как паспорта одной серии...

— Мы считали, что паспорт даст нам возможность устроиться на работу,— пробормотал Биль. Да и остальные шпионы несколько поникли: видимо, мысль о паспорте была связана со свободой выхода из леса.

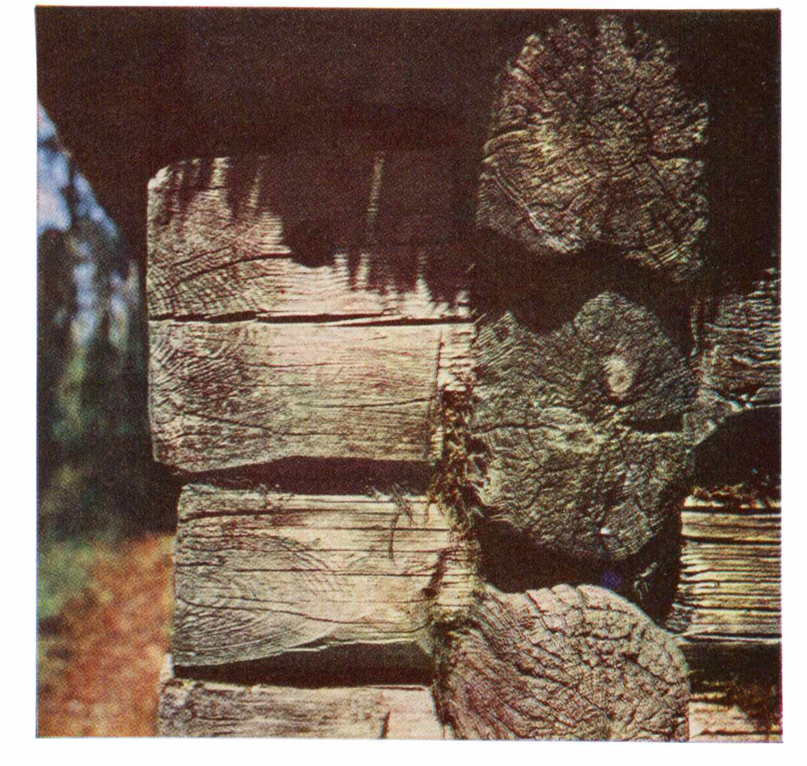
Будрис возвысил голос:

— Эти паспорта не дают вам права выхода в лесные хутора и поселки. Люди должны оставаться в лесу и соблюдать строжайшую дисциплину. Нарушение повлечет самые неприятные последствия для того, кто это допустит...

Позже Будрис и Граф прошлись по недавно протоптанной тропинке в глубь леса.

Остановились на поляне, где никто не мог их подслушать.

Говорил Будрис, Граф слушал.

— С нашей точки зрения, то, что мы заполучили «специалиста» по подготовке документов, уже само по себе так же важно, как поимка шпиона. Но на этот раз мы взяли еще и двух шпионов. Вот теперь мы имеем возможность проверить, как изготовляются бланки. Совершенно очевидно, наши чекисты уловят много особенностей, которыми эти паспорта будут отличаться от настоящих. Да и сам «специалист», как бы ни хотел он сделать поддельный документ, не может уловить отдельных, на его взгляд, казалось бы, несущественных деталей, которые находятся в подлиннике. Вот эти-то расхождения для нас крайне важны!

— Но когда все это кончится! — не выдержал Граф. — Поймите, пожалуйста, мы сидим в лесу уже четвертое лето, а на хуторах будем сидеть пятую зиму!

Будрис улыбнулся его горячности, потом тихо сказал:

— Вот теперь, после того, как мы окружили своим вниманием «специалиста по советским документам», ваша задача почти выполнена. Конечно, вас отпустят по домам не завтра, не послезавтра, но одним из главных результатов нашей операции будет то, что шпионы, почувствовав за спиной крылья — фальшивые документы, и англичане — их хозяева начнут использовать эти фальшивые документы. Так начинается завершающая операция. Англичане попытаются рассылать своих шпионов в восточные районы Союза. Мы будем «благословлять» их на работу, желать им «ни пуха ни пера».

Их хозяева теперь переходят от мысли о создании плацдарма в Латвии к тактике активного использования агентов для сбора разведывательной информации. В ряде случаев они попытаются получить данные об объектах особой государственной важности.

— Кроме того, — продолжал Будрис, — настало время показать англичанам, что они не имели и не имеют на территории СССР социальной базы для своей подрывной работы. А то, что они некоторое время «преуспевали» в заброске своей агентуры в Прибалтику, — это дело рук чекистов, которые своими действиями успешно осуществили захват этой агентуры меньшими силами... А сейчас уже пора приступать к «передислокации», если так можно выразиться, из режима «свободного» пребывания английских посланцев в лесах Латвии к «режимному» в лесах Сибири. А то, что у шпионов будут фиктивные документы, на некоторое время скроет от «Норда» всеобщий провал их разведки в Латвии. Вот пример: англичане дают одному из своих агентов разведывательное задание. Агент выезжает с документами, сфабрикованными не нами, а представителем английской секретной службы. Будрису ничего не известно о том, где провалился агент, так как в организации и проведении этой акции он не принимал участия, пусть англичане и отвечают: хорошо подготовленный шпион, английские инструкции, только что полученные из Лондона, фиктивные документы, изготовленные английскими специалистами, — вот три участника событий! И англичане будут вызывать другого агента, который «стоит на очереди к аресту», и дадут ему новое задание по другому объекту. А для нас это очень важно — знать, чем интересуется противник. Именно так, при активной помощи англичан, мы постепенно прекратим нашу оперативную игру, получая на последнем этапе все новую информацию о их планах и устремлениях.

— Ну, а что будет потом? — спросил Граф, которого весьма увлекла картина, нарисованная Будрисом.

Будрис улыбнулся:

— А потом органы КГБ, возможно, ознакомят кого-нибудь из советских писателей с частью материалов по этому делу, чтобы тот мог поведать о происках английской разведки... А пока пойдем-ка к столу. Думаю, что Кох и Мазайс устроили великолепный «командирский» обед. Вечером я уйду в Тукумс, а завтра вернусь. Устрой мне разговоры с каждым из новичков. Надо знать, к чему готовятся англичане в ближайшее время. Может быть, у новеньких уже есть свои инструкции?

— Я бы хотел, чтобы у них были свои инструкции, — засмеялся Граф. — Тогда, может быть, с них мы и начнем окончание нашей игры?

29

В конце июня Будрис сообщил Силайсу:

«№8—321. После длительного отсутствия Лидумс благополучно вернулся в Ригу. Очень сложное и тяжелое путешествие стоило ему огромного нервного напряжения. Но задание в основном выполнено. После нескольких дней отдыха Лидумс начнет готовить отчет, который мы думаем выслать вам частями в тайнописных посланиях...»

Через месяц в Лондон по частям стал поступать доклад Лидумса. Этот отчет был выполнен тайнописью и, кроме описательной части, содержал также и рисунки танков и платформ, на которые были погружены танки. Силайс был очень доволен.

А Лидумс был доволен тем, что ему не пришлось ездить в город № 12. Дезинформационный доклад подготовили специалисты в Москве. Лидумсу оставалось лишь переписать его и проиллюстрировать. Что он и сделал весьма детально.

Силайс прочитал доклад и как бы даже выпрямился от гордости. Как там ни говори, а ведь Лидумс — его детище! И направился в приемную полковника Скотта. Проходя мимо Норы, шепнул:

— Есть вести от Лидумса.

30

За четыре года англичане переправили в группу Будриса несколько десятков шпионов, большое количество раций с кварцами, шифрами, аккумуляторами, много оружия и большую сумму денег.

Но, сколько бы ни засылали англичане своих людей в эту «группу», они получали отдачи все меньше и меньше. И вот прошло четыре года, Маккибина давно уже заменил полковник Скотт, начальство все чаще спрашивало у полковника, почему засланные шпионы не дают информации, и полковник Скотт все чаще морщился при таких вопросах.

Между тем сколько бы вопросов ни задавали англичане Лидумсу или Будрису, они всегда получали ответ. Так, в английских головах родилось еще не подозрение, а намек на него: а вдруг в одном из звеньев группы Будриса есть несколько чекистов?

Главное подозрение возникало еще и по той причине, что как только англичане решали заслать кого-либо из Латвии в другой город, с паспортом, изготовленным их специалистом, такой шпион, как правило, отправлял сигнал о том, что он приступает на месте к выполнению задания, а затем вдруг исчезал, как будто проваливался сквозь землю. Это могло означать лишь то, что такого шпиона выпускали из Латвии, но едва он давал знать, что готов к выполнению задания на новом месте, его немедленно хватали на этом самом новом месте...

На пятом году англичане стали свертывать свои операции. Вот тогда-то и настало время для ареста всех шпионов, содержавшихся в группе Будриса.

В одну из весенних ночей их арестовали. Сопротивления шпионы не оказали. Пистолеты оказались бесполезными, так как патроны были заменены. Вся операция по ликвидации группы заняла несколько часов.

На следующий день все «лесные братья» — чекисты собрались у полковника Балодиса. Был среди них и Лидумс.

Люди, перезимовавшие на хуторах, давненько не видали друг друга.

Окончание следует.

К 50-летию Джубана Мулдагалиева

СТЕПНАЯ МУЗА

Земля акынов, земля поэтов — Казахстан! Здесь издревле поэзия в почете, здесь веками существует замечательный праздник айтыс. Это — состязание акынов, благородный бой поэтов, пир слова, роскошной, щедрой образности. Душа поющего казаха так же красива, как степь весной. На этом празднике в полную силу звучат голоса казахских поэтов, и среди них голос Джубана Мулдагалиева.

Стихи Джубана Мулдагалиева органически связаны с жизнью казахского народа — и по своей тематике и по всему существу своему, а по образной системе — с образным мышлением народа, с его красочным языком.

Традиционные для казахской поэзии темы по-новому звучат в его стихах. Вдохновенно воспевает поэт счастливую жизнь родного народа и озаренную ярким весенним светом, чудесную нашу действительность. Казахская степь — прошлая и сегодняшняя — контрастно соседствуют в творчестве Мулдагалиева:

Шли караваны по кочевьям вьюжным,
Раскачиваясь в отсветах зари,
И плечи предков,
Как горбы верблюжьи,
В кровь растирали ханы и цари.

Поэт устремляет взгляд, пристальный, глубокий, иногда задумчивый, иногда гневный, на века прошедшей жизни казахов, и глубоко верна и естественна высказанная им мысль:

Ах, если б раньше,
Вырвавшись в просторы,
Здесь вспыхнул мысли ильичевой свет!
Ах, если б раньше грянула «Аврора», —
Октябрь настал бы раньше на сто лет!
Ах, если б слава нынешних полетов
Венчала выси канувших веков!
Кто знает, на каких тогда высотах
Увидел бы своих я земляков?
И мы спешим,
Вперед спешим сквозь годы...

О стремительной жизни Советского Казахстана, о дружбе народов нашей страны, о комсомольской молодости своей, о прекрасной нашей современности пишет Джубан Мулдагалиев.

Его муза покрыта здоровым степным загаром. От души пожелаем, чтобы долгие годы вдохновляла она поэта!

Михаил ЛЬВОВ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Специальный корреспондент «Огонька»

РОЖДАЮТСЯ «ЖИГУЛИ»

Более года я не была в городе Тольятти. Стройка автомобильного завода напоминала тогда плацдарм сражения, на котором не сохранилось ни одного квадратного метра оставленной в покое земли. К будущим корпусам, ощетинившимся стальными колоннами, трудно было даже подойти — путь преграждали глубокие, как траншеи фортификации, «пропасти» котлованов, прошитых балками и арматурой. Самым обитаемым был левый фланг этого плацдарма, где готовился к пуску корпус вспомогательных цехов, где уже теплилась заводская жизнь.

Что делается сейчас там?

...Наша машина вырвалась наконец из объятий старой части города, на простор великолепной двухполосной автострады. Слева, в степи, сказочно неожиданно, будто пенорожденный из волн, вставал белокаменный, многоярусной стеной новый город, город автомобилестроителей, заложенный три года назад на берегу Куйбышевского моря. А справа все ближе навстречу нам надвигался такой же ослепительно белый, как и жилые дома, удивительно геометричный, строго расчерченный массив широких, приземистых корпусов. Это и есть сам завод. И сразу же заметились перемены, происшедшие здесь. Полтора года назад монументальное сочленение двухкилометрового главного корпуса (шесть раз на протяжении его останавливается городской автобус) не было еще оконтурено до конца колоннами. Перед ним горбились валы перевороченной экскаваторами и бульдозерами земли. Сегодня вдоль всего корпуса, за легкой прозрачной решеткой ограды, стелется асфальтовое полотно, густо заставленное собственными машинами рабочих, инженеров, строителей.

— С чего начнем? — спрашивает Николай Иосифович Летчфорд, заместитель главного инженера завода. В автомобилестроении он ветеран, много лет проработал в Горьком.— По технологическому циклу? Отлично. Тогда с прессового.

Огибая главный корпус, мимо КВЦ идем к прессовому. КВЦ — корпус вспомогательных цехов — был сдан строителями первым. Со своим стеклянным кубом, напоминающим парадные входы современных зданий, КВЦ очень красив. Поражают обилием света и чистотой огромные залы столовых, в которых свободно рассаживается без сутолоки и очереди сразу вся смена — две с половиной тысячи человек; «бытовки» с многолепестковыми чашами умывальников, облицованными кафелем душевыми. Все это сделано масштабно, с расчетом на большое количество работающих, и с максимальными удобствами для них, сделано добротно и со вкусом. Такие же столовые, душевые появляются в тех корпусах, которые друг за другом вступают в строй.

Все ближе день пуска первой очереди завода. Не теряя и дня, рядом со строителями трудятся монтажники и наладчики. Автоматические линии и агрегаты уже выдают свою продукцию.

Но вот и прессовый.

Прессовый корпус велик. После главного самый большой. Мне приходилось бывать в разных прессовых цехах, темных и мрачных, с гарью и копотью. Но такого светлого, просторного, исполненного в спокойных, молочно-лимонных и зеленоватых тонах не доводилось видеть. Посмотришь вдаль — свод кажется белобалочным — так много воздуховодов, по которым кондиционеры подадут скоро очищенный воздух.

В широком пролете снуют яркие электрокары, желтые сундучки машин-подметальщиков, обгоняя их, выписывают зигзаги велосипедисты — дежурные слесари и электрики с неизменной эмблемой ВАЗа на левом рукаве — белой ладьей по синему полю; эта же ладья красуется и на машине «Жигули». Иностранные специалисты, приехавшие на наладку оборудования — итальянцы, французы, немцы,— ходят со своими «опознавательными знаками», приколотыми к курткам и комбинезонам: значок с названием фирмы и визитка с фамилией. Словом, пестро, весело здесь и многолико.

В северный пролет, где склад металла, входят тепловозы с вагонами, проделавшими неблизкий путь с Урала, Сибири, Украины. Прямо здесь сгружаются рулоны и пачки металла. Их много, не охватишь взглядом. Но мой спутник озабоченно хмурится. Оказывается, подводят заводы — поставщики материалов и комплектующих изделий. Их и называет мне Летчфорд.

— Магнитогорский калибровочный завод должен обеспечивать нас лентой и прутком из легированной свинцом стали. Из прутка получают на наших автоматах шайбочки, разные гаечки, без них ведь не соберешь машину! А златоустовцы слишком медленно налаживают производство стали особо высокой прочности, из которой выполняются детали тормозов и регулировочный винт переднего сиденья...

— Это ваш счет металлургам. А к химикам вы имеете претензии?

— Большие. Вот вам, пожалуйста: Волжский резинотехнический завод до сих пор не освоил изготовление прокладок, шайб и уплотнителей, его курский собрат — сальников; орехово-зуевский завод «Карболит» — трехлопастных крыльчаток вентилятора для мотора...

Мы подошли к линии громадных, в виде буквы «п» прессов, заставивших вспомнить об арках судоходных каналов. Только на башнях вместо декоративных акротерий мерцали разноцветными огоньками щиты управления. В каждой линии по пять-шесть прессов. Всего двенадцать линий, будто двенадцать шлюзов, и каждая из них выбрасывает какую-то готовую деталь кузова. Самые большие—пол машины и крыша — делаются из магнитогорского холоднокатаного листа. Толщина его всего девять десятых миллиметра. А величина «детали» — вот она лежит громадным противнем сложной конфигурации — два метра с четвертью на метр восемьсот. Всего же на каждый кузов «Жигулей» идет 436 килограммов широкополосной холоднокатаной стали Магнитки и Череповца. Кому же доверена ее обработка?

— Степанов Алексей Петрович,— представился бригадир 11-й и 12-й линий, на которых штамповали при мне капот и двери, статный молодой человек с иссиня-черной шевелюрой и такими же густо-черными бровями.— Сам я бугурусланский. Сорок шестого года рождения. Образование? Полное среднее — одиннадцать классов. Еще в армии, когда на действительной был, прислал письмо на ВАЗ. Мне ответили положительно. А как приехал, сразу в Горький, на стажировку направили, в цех крупных штампов. Первая наша деталь? Внутренняя панель двери. Тогда я на 3-й линии стоял. В бригаде Виталия Девяткина. А в апреле мне дали самостоятельную бригаду. Очень не хотелось уходить от Виталия. Замечательный был коллектив. Но и теперь у нас ребята ниче-го! Верно я говорю?

— Верно! Воропаев я, Виталий,— подошел к нам рабочий, что стоял у 3-го пресса.— Куйбышевской земли. Учусь на четвертом курсе техникума. Вечером, конечно.

— Собачкин Иван. Из Казани прибыл,— откликнулся с пульта паренек.— Десять классов плюс техническое училище.

— А я нижнетагильский, Целиков Леонид. Образовательный ценз? Тоже среднее...

Да, вероятно, к людям, отбиравшимся в штамповщики на этих прессах-махинах, был предъявлен своеобразный образовательный «ценз» не без основания: агрегаты эти сложнейшего устройства.

В прессовом корпусе наши дороги с заместителем главного инженера разошлись. Летчфорд заторопился на заседание генеральной дирекции, а я решила проследить за слагаемыми кузова далее. Куда они меня приведут?

Следуя за ними в буквальном смысле этого слова, мне пришлось бы вместе с деталями кузова проплыть стеклянной галереей, соединяющей прессовый корпус с главным. Когда наконец обыкновенным пешим ходом попала туда, то в первое мгновение показалось, что нахожусь в гигантском муравейнике,— так много было конвейеров на разной высоте, в разных плоскостях, и каждый из них что-нибудь тащил.

Наконец все панели кузова, собранные на специальной тележке, подавались на главный сварочный кондуктор. Пройдя еще несколько процедур, кузов появится на главном конвейере сборки, сверкая темно-красным, синим, темно-зеленым или белым лаком. Но кузов еще

пуст, как не сданный строителями дом, в котором нет ни сантехники, ни электричества, ни воды. Надежно посаженный в захваты подвески, он метр за метром под осиное жужжание пневматических гайковертов начинает обрастать начинкой: пучки электропроводов, бачки, тяги, подфарники, наконец, появляется имя: «Жигули».

Самая, пожалуй, красивая, эффектная операция сборки — установка заднего моста с карданным валом и двигателя. Все эти узлы, кстати, изготавливаются тут же на заводе, в других цехах. В этом месте конвейера постоянно толпятся «экскурсанты», пока только свои — заводские рабочие и строители, пришедшие посмотреть, как рождается автомобиль. Происходит эта операция в момент встречи двух конвейеров: главного, верхнего, по которому движется в оранжевой подвеске кузов, и небольшого напольного с зелеными кондукторами, на которых покоятся мост и двигатель. Сначала они идут навстречу друг другу, будто ручеек, стремящийся к реке. Но вот ручеек достиг ее, и они словно слились, потекли вместе в едином ритме. Сборщик включает гидроподъемники напольного конвейера, цилиндры выдвигаются и плавно, словно на подносе, подают задний мост с валом и двигателем в самый кузов. Точно и, я бы сказала, элегантно! Теперь рабочие закрепят их там намертво. Все это делается на ходу, конвейер движется.

Операция эта производится на участке Фалалеева. Тельман Степанович Фалалеев. Коммунист. Сын коммуниста. Квалифицированный сборщик, а позже и мастер на сборке «Волг». Более двух лет назад в числе других работников завода ГАЗ направил его на Волжский автомобильный. Позапрошлой весной, когда ВАЗ едва подавал признаки жизни, обживался всего лишь первый, один-единственный корпус вспомогательных цехов, фамилия Фалалеева уже гремела на стройке. И в этом не было ничего удивительного. Автомобилестроители — конструкторы, инженеры, технологи, рабочие — пришли тогда на помощь строителям Куйбышевгидростроя, на время превратились в каменщиков, бетонщиков, отделочников.

Сначала бригада Фалалеева работала в новом городе на корпусе «32-а», по Революционной улице, в котором сейчас великолепное, не уступающее аспирантским общежитиям Московского университета рабочее общежитие: комнаты на двоих, обставленные современной мебелью, с раздельным санузлом, кухней с самым настоящим комбайном—электрическая плита, холодильник «Снайге», мойка. Живет в этом доме и знакомый мне по прессовому корпусу Алексей Степанов со своими товарищами. Живет и вспоминает добрым словом строителей, и фалалеевцев в том числе. Сейчас здесь очень уютно — плафоны и бра, паркет и линолеум, встроенные шкафы и двустворчатые окна. Но трудно, ой, как трудно доставался строителям этот уют! Было очень холодно, зима стояла лютая, до минус 35 доходило. Застывали краски, растворы, сводило пальцы рук. Когда бородач Саня Гаврилов, сейчас он мастер в цехе окраски, вставив рамы на каком-нибудь десятом или двенадцатом этаже, сползал к обеду со своего верхотурья в будку-теплушку, то вся его борода звякала сосульками и весь он был похож на деда-мороза. А потом, когда их перебросили на главный корпус завода, стало еще трудней.

Фалалееву поручили организовать большую — в сорок пять человек — бригаду и передали ее в распоряжение стройуправления № 11. СУ поставило бригаду делать фундаменты в первой вставке главного корпуса, то есть начинать с нуля. Вчерашним плотникам пришлось срочно, в считанные дни и часы, переквалифицироваться в бетонщиков. И что же? Они освоили бетонное дело во всех тонкостях. Однако и это оказалось не самым тяжелым. Настоящего рабочего человека работа не испугает. Другой раз по двое суток не уходили, пока шел бетон для монолита. Бетон ведь не песок, упустишь время — застынет, окаменеет. Когда не хватало кранов, брались за лопаты. Хуже, когда работа есть, а работать не можешь. Так именно у них и случилось. Участок был огромный, а геодезистов — один. Приходилось бетонщикам сидеть и ждать, пока подойдет их очередь на геодезиста, только он замерит и скажет, где и как класть бетон. Просидели фалалеевцы с обеда полдня, совсем приуныл Тельман Фалалеев. Даже у него, всегда такого деятельного, находчивого, руки опустились. И тогда бригадир сказал: «А что, ребята, не попробовать ли самим, а?»

— Ты нам, друг, расскажи, как ты все здесь размечаешь. Может, и мы осилим твою науку,— обратился он к геодезисту.

Стал объяснять геодезист с самого начала, со всеми теоретическими выкладками, про углы икс и игрек. Ничего в один прием не поняли ребята. Хоть и техникум у Тельмана за плечами. Попросили только:

— Ты нам попроще, без иксов и игреков, покажи, по какой рисочке, и все.

Первыми освоили нивелир Сергей Копылов, Тельман Фалалеев и его звеньевой, замечательный парень с Ульяновского автомобильного завода Вячеслав Глазунов. Когда начальник 4-го участка СУ узнал, что ребята овладели еще одной профессией, распорядился выдать им приборы. Все двадцать тумб фундамента разметили сами. Проверка показала, что требуемая точность — по высоте расхождение полагалось не более двух миллиметров — достигнута.

В мае начался аврал. Стали прибывать контейнеры с оборудованием. А ставить его было негде. Фалалеевскую бригаду разделили пополам. Половина осталась между второй и третьей вставками доделывать фундамент в цехе гальванических покрытий. Вторую половину со Славой Глазуновым перекинули за километр, на восьмую вставку, где сейчас доводочный участок.

Да, горячие были деньки! Сейчас все это уже история. Напоминают о ней почетные грамоты, которых была удостоена бригада Фалалеева на строительстве главного корпуса за первое место в соревновании всех бригад, что висят на самом видном месте в парткоме цеха, напоминает о том портрет Владимира Ильича, что был торжественно вручен бригаде-победительнице во Дворце Ленинского комсомола 10 июля шестьдесят девятого.

Как же сейчас работается, как живется бывшему удалому бригадиру строителей, ныне начальнику участка главного конвейера сборки «Жигулей»?

Вон мелькнула среди готовых машин его синяя нейлоновая куртка на «молнии» и серенькая, спортивного типа вязаная шапочка с козырьком. Поклонился, значит, заметил. Сейчас подкатит на чем-нибудь: на машине или на велосипеде. Но сейчас он не подкатил. Только к концу дня.

— Понимаете, пуско-наладка,— извинялся он.

И мне вспомнились слова генерального директора ВАЗа Виктора Николаевича Полякова. «Рановато приехали,— говорил он,— сейчас у нас напряженнейший период — пуско-наладка оборудования и автоматических линий, причем в этом процессе очень много трудностей». Слушая Фалалеева, я убеждалась в том, что этими трудностями живет сейчас весь завод: от директора до рядового рабочего.

— Понимаете, хлопот по горло.— Фалалеев прислонил велосипед к стене.— Многое еще не утрясено, не отрегулировано. Сегодня, например, обнаружили, что крепеж на исходе.

Я уже знала, кто виноват: Магнитогорский калибровочный завод, о котором говорил Летчфорд. Вот как она сказывается, зависимость от поставщиков!

— Пошел я по начальству,— продолжал Фалалеев.— А Глазунов послал к механосборщикам и прессовщикам, чтоб там пошуровал гайки и шайбы.

— Это тот самый Слава Глазунов, который был у вас и звеньевым, и бетонщиком, и геодезистом?

— Тот самый. Лауреат Ленинской трудовой вахты. Глазунов не единственный из нашей строительной бригады. Она почти целиком влилась в наш участок. Не захотели ребята расставаться.

К начальнику участка стали подходить, заглядывая в список, что держал тот в руках, сборщики.

— Запишите меня, Тельман Степанович,— просили они.

— Куда это они так жаждут попасть?

— Хотят работать в воскресенье по доукомплектовке машин. Это вовсе не наша обязанность. Но ребята сами решили помогать. Остаются и после смен. Знают, что это важно для завода. А все из-за комплектующих изделий. То ветрового стекла на машине недостает, то ручки какой-нибудь, то коврика. Нелегко приходится. Раньше десяти вечера с нашим городским транспортом домой редко попадешь. Словом, как любит повторять секретарь нашего партбюро Геннадий Ильич Евтушенко, «целина промышленная». У него в свое время была целина сельскохозяйственная, в Казахстане, а теперь вот целина промышленная. Все надо подымать с земли. Покорили люди тогда хлебную целину, и у нас скоро будет праздник!

— Ну, а как дома? Как детишки?

— Спасибо, растут. Теперь их у меня трое — Олечка весной появилась. Лариса в школу пошла. А Саша до детсада дорос. Вот завтра, в воскресенье, захвачу с собой сына. Все легче жене будет. А то ей трудно одной справляться с ними. Живем теперь хорошо, в трехкомнатной квартире, в хорошем девятиэтажном доме, построенном московскими строителями. Только вот на Московский проспект к нам автобусы почему-то не доходят. А дороги у нас, сами знаете, какие: в дождь надевай охотничьи сапоги.

Что правда, то правда! Я жила в гостинице нового города. При всей красоте отдельных зданий, так броско, эффектно поставленных на обозрение и пленяющих издалека, меня поразила неблагоустроенность кварталов, очень плохая работа городских автобусов. Вывод напрашивается один: в благоустройстве нового района допущены ошибки, есть просчеты, и их надо исправлять, не откладывая на завтра. Того заслуживают труженики автозавода, для которых и строится этот город. Может быть, ради вот этих нескольких строчек и стоит приезжать корреспондентам почаще на ВАЗ!

Первое впечатление о новом центре советского автомобилестроения получится недосказанным, если не упомянуть о виновнице всего происходящего на берегу Куйбышевского моря — самой машине.

Вот она, небольшая, изящная, цвета легкого летнего облака, с блестящей стрелой по бокам. Испытатель отдела главного конструктора Вениамин Павлович Фатеев радушно распахивает дверцу. Занимается он своим трудным и интересным делом шестнадцать лет. Работал на Горьковском автомобильном. Какие только машины не держали у него экзамен! Где он только с ними не бывал! «Победы», «ГАЗы», «Волги» и «Чайки» во множестве модификаций — все прошли через его руки. Первую «Волгу» испытывал на... «Победе»: корпус машины был старый, «победовский», а все узлы новые — «волговские». Участвовал в пробеге автовыставки «Европа-65». Австрия, ФРГ, Бельгия, Дания, Голландия, Норвегия, Швеция, Финляндия имели тогда возможность познакомиться с советским автомобилем. С июня 1967 года Фатеев в городе Тольятти. Тогда завод еще не был виден, «сидел в земле». А первые три машины стали испытываться в Тольятти в том же году. Потом отправили их в Крым, потом в Воркуту.

— Градусник показывал минус тридцать два,— вспоминает Вениамин Павлович.— И ветерок был пятнадцать метров в секунду. Но ничего! Машина справилась тогда и с градусами и с ветерком. Двигатель при таких низких температурах заводился быстро, жидкость не замерзала. Работа была нудная: трогание, торможение, пуск, внезапные остановки. Делали по шестьсот километров в день. А недавно был в Турине. Знакомился с системой испытаний машин на заводе «Фиат». Работал там, между прочим, со своим старым знакомым Либеро Франко. С ним я встретился первый раз на Минском шоссе, под Москвой, где испытывалась наша машина модели «ВАЗ-21 01». Принимали нас тепло. Итальянскими коллегами нам была предоставлена полная возможность освоить их своеобразную методику и на полигоне, что на живописных холмах, в предгорье Альп, и на специальной автостраде Турин — Иври.

Фатеев захлопнул дверцу. Перед нами ровное, как игла Останкинской башни, шоссе. Восемьдесят, сто, сто двадцать километров в час. Стрелка спидометра приблизилась к ста сорока. Пробую приспустить стекло. С ревом врывается ветер. Машина взяла сто сорок. Навстречу несется грузовик. Испытатель быстро снимает скорость, доезжая до проселочной дороги, поворачивает. С выбоинами и ухабами проселочная дорога. Но скорость, однако, приличная: шестьдесят, восемьдесят километров.

В салоне наблюдательный пассажир заметит удобные, с закруглениями сиденья, зеркало с двумя положениями — для ночной и дневной езды, вместо ножного переключения фар — рычаги на руле. Клавиши для стеклоочистителя и света. Круговая поворачивающаяся решетка для обдува ветрового стекла... В общем, машина приятна и удобна! Водитель добавляет, что и динамична.

В прошлый раз я видела, как рождается Волжский автомобильный завод. Сегодня рождаются «Жигули» — новая советская малолитражка.

Портрет адмирала Г. И. Бутакова.

Внук адмирала Г. И. Бутакова, капитан I ранга в отставке Григорий Александрович Бутаков в Военно-Морском музее у модели пароходофрегата «Владимир», которым командовал его дед.

Фото Н. Ананьева.

К. ЧЕРЕВКОВ

ШКОЛА АДМИРАЛА БУТАКОВА

Во время русско-турецкой войны, за несколько дней до знаменитого Синопского сражения в ноябре 1853 года, девятипушечный пароходофрегат «Владимир», выйдя из Севастополя, неожиданно заметил дым в море. Началась погоня. При сближении выяснилось: впереди турецкий пароход «Перваз Бахри». Этот первый в истории трехчасовой бой двух паровых военных кораблей положил начало новой эре в военноморском искусстве — эре броненосного флота. Он был выигран русским кораблем, который показал невиданный доселе, блестящий образец маневра в сочетании с артогнем. А потомственный русский морской офицер, командир «Владимира» Григорий Иванович Бутаков стал творцом новых тактических приемов боя парового флота и создателем первой русской броненосной эскадры.

Взяв не без труда на буксир изрешеченный, беспомощный «Перваз Бахри», на мачте которого вместо турецкого теперь развевался русский флаг, «Владимир» взял курс на Севастопольский рейд. Перепуганные пленные на борту судна в страхе ожидали возмездия. Однако вскоре испуг сменился удивлением. Капитан Бутаков предложил турецким офицерам отдельную каюту, а матросов отправил на бак — обедать. Русский судовой врач одинаково оказывал помощь и христианам и мусульманам.

За эту блестящую победу Григория Ивановича произвели в капитаны II ранга и наградили Георгием 4-й степени. Это не первая награда Бутакова. Первые были получены вскоре после окончания Морского кадетского корпуса. Тогда восемнадцатилетний мичман Григорий Бутаков явился на Черноморский флот к адмиралу М. П. Лазареву. Известный русский мореплаватель, увидев стройного, жизнерадостного юношу, спросил:

— Бутаков? Знавал я вашего отца. Отважный моряк. Надеюсь, вы оправдаете его надежды. Вскоре я дам вам возможность понюхать пороху.

Адмирал выполнил обещание. Мичман был назначен в десантный отряд генерал-майора Раевского, высадившийся близ Туапсе. За эту операцию, в которой Бутаков показал себя находчивым и храбрым, его наградили двумя орденами — Анны и Станислава.

Теперь же победителя невиданного морского поединка встречал в Севастополе другой прославленный адмирал — П. С. Нахимов. Он отечески поздравил Григория Ивановича с наградой и, не ожидая, пока на перекладных будет доставлен орден, снял с груди своего Георгия, полученного за Наваринское сражение, и тут же прикрепил его к груди Бутакова.

Некоторое время «Владимир» оставался в Севастополе, поддерживая защитников героического города огнем своих орудий.

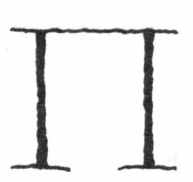
Бутаков же считал, что в критический момент обороны города ему лучше быть не на пароходе, а на одной из батарей у Малахова кургана.

— Нельзя-с,— категорически ответил ему Нахимов.— Вас нужно сохранить для будущего флота.

Нахимов точно в воду глядел. Г. И. Бутаков был в полном смысле слова адмирал-ученый. Он не просто следовал известным традициям передовых русских флотоводцев, а являлся первооткрывателем нового, прогрессивного. Ему принадлежат десятки научных открытий и изобретений. В Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде под стеклом хранится книга Бутакова «Новые основания пароходной тактики», изданная в 1863 году. Этот труд, положивший начало развитию тактики русского парового броненосного флота, приобрел огромную популярность не только у нас, но и за рубежом. В те времена Бутаков был единственным в мире адмиралом, который смело и решительно отказался от механического перенесения тактики парусного флота на флот паровой. На Трапезундский рейд, где стояли русские броненосные корабли, приходили ознакомиться со «школой Бутакова» американские, французские, шведские, немецкие военные эскадры.

...В родословной Бутаковых сто двадцать два военных моряка и среди них девятнадцать адмиралов. И сегодня ленинградцы часто встречают высокого, стройного, седобородого, но молодецки подтянутого морского офицера. Это капитан I ранга, коммунист Григорий Александрович Бутаков — внук Григория Ивановича. Более полувека он отдал советскому флоту, в котором начал службу с первых дней революции: участвовал в ледовом походе, сражался с англичанами на Балтике, командовал соединением канонерских лодок на Черном море...

В Севастополе, на той же самой Графской пристани, где Нахимов когда-то вручал награду его деду, советский полководец М. В. Фрунзе приколол к кителю внука адмирала Бутакова орден Красного Знамени за участие в гражданской войне и потопление врангелевских судов. А позже к первому ордену Красного Знамени прибавились еще два таких же и еще ордена Ленина, Красной Звезды... Внук оказался достойным деда. Таков род адмирала Г. И. Бутакова, стопятидесятилетие со дня рождения которого мы сегодня отмечаем.

А. ЮСУПОВ

— Мы получили приглашение на вечер песни и танца горцев Северного Кавказа,— сказал утром генеральный консул.— Думаю, что отказываться не следует. Сходите вы,— обратился он ко мне,— вам будет приятно вдали от Родины послушать родные песни и посмотреть танцы.

Так я оказался вечером в ресторане «Диван-отель».

Гостей у подъезда встречала группа молодых ребят. Одному из них я протянул приглашение вместе с моей визитной карточкой. Не взглянув на них, он вежливо пригласил пройти в зал. Уже на ходу, узнав, кто я, провожавший остановился, пристально посмотрел на меня, а затем спросил:

— Это ваша визитная карточка?

Я подтвердил. Он еще раз посмотрел на билет, на меня, а затем произнес:

— Господин, на билете не указано ваше место. Прошу извинить и разрешить отлучиться, чтобы спросить, куда вас посадить.

Вскоре он вернулся в сопровождении невысокого, коренастого мужчины лет шестидесяти.

— Ахмеджан Канлы, президент благотворительной организации,— отрекомендовался он.— Мне приятно приветствовать вас у нас на концерте. Но мы не думали, что вы примете наше приглашение, и потому на билете не указали место. Если вы не будете возражать, я приглашу вас к директорскому столу.

За большим, длинным столом недалеко от сцены уже сидело человек двенадцать. Ахмеджан представил меня. Попросив сидевших за столом занимать гостя, извинился и ушел исполнять обязанности распорядителя вечера. Но никто не сделал попытки заговорить со мной, только в конце стола шептались и время от времени поглядывали в мою сторону.

Вскоре Ахмеджан поднялся на сцену, объявил об открытии вечера и стал перечислять гостей, принявших приглашение. Первым он назвал консула Советского Союза, затем американского, английского и других.

Начался концерт.

Более года я жил в Стамбуле. Откровенно говоря, соскучился по Родине и с нетерпением ждал начала концерта, пусть даже плохого, но который мне все же близок и который напомнит мне о горах Дагестана, о его прекрасных и мужественных жителях с их темпераментным танцем.

На сцену вышли дети. Все они были одеты в

Е. МОСКОВСКАЯ

ЛЕТКА

национальные дагестанские костюмы, а мальчишки подпоясаны серебряными поясами, на которых висели небольшие, но настоящие кинжалы. Вскоре я ощутил на себе пристальный взгляд Ахмеджана и повернулся в его сторону.

Ахмеджан, довольный, улыбнулся.

— Я рад, что вам понравились наши танцы,— сказал он.— Я слышал, что ныне в Дагестане запрещены национальные танцы и песни, говорят только на русском языке и ничего национального не осталось.

Вначале я не поверил тому, что услышал, и подумал, что Ахмеджан шутит, может быть, слишком глупо, но шутит.

Не дожидаясь возражений, Ахмеджан сказал:

— Вы, наверно, слышали, что я журналист и историк. Написал книгу о черкесах в Турции. Как вам известно, после пленения в Дагестане Шамиля в Турцию приехало немало горцев с Северного Кавказа. Они расселились в разных районах Анатолии. В районе Бурса есть село Гюнеш, откуда я родом, в нем живут аварцы. Если у вас за годы Советской власти горцы забыли родные языки, то мы здесь за сто лет передавали из поколения в поколение свой язык, свои обычаи, танцы, песни.

К нам стали подходить из-за других столов. Одних Ахмеджан представлял мне, причем называл занимаемое ими положение. С особым удовольствием Ахмеджан представлял выходцев из эмигрантских семей и при этом подчеркивал, что вот, видите, здесь, в Турции, они смогли выдвинуться на государственный пост или добиться успеха в жизни.

Я решил спросить у Ахмеджана, знает ли он так же хорошо жизнь Дагестана, как знает жизнь эмигрантов в Турции.

— Конечно, конечно, знаю,— сказал он.— Я читаю все, что пишут о Дагестане.

— Какие источники? — вновь спросил я.

— Американские, западногерманские, ну и другие.

— А почему не дагестанские, московские и вообще советские или социалистических стран?

— А разве американские газеты пишут неправду?

— Вот вы, Ахмеджан, аварец, а пишете ли на своем родном языке? — спросил его я.

Ахмеджан смутился. После некоторого замешательства он проговорил:

— Нет, не пишу.

Рисунок В. Добровольского.

Видимо, чтобы выйти из трудного положения, Ахмеджан спросил:

— А говорите ли вы на своем родном языке?

— Да. Если есть здесь в зале кумык, балкарец или азербайджанец, то готов поговорить с ними. Я говорю на этих языках.

Ахмеджан послал за кем-то. Вскоре пришел пожилой человек. Ахмеджан попросил его «проверить» — он так и сказал «проверить»,— знаю ли я кумыкский язык.

Я не стал ждать, когда он начнет говорить, и начал сам. Мой собеседник действительно оказался кумыком, выехал из Дагестана в шестнадцатом году. Он почти забыл свой родной язык, и с первых слов окружающим это стало ясно.

Ахмеджан признал, что он потерпел поражение.

— Вот вы говорите, а часто даже в газетах пишете,— сказал я, обращаясь уже не к одному Ахмеджану,— что русские поработили дагестанцев. А вот мы, жители Дагестана, благодарны русским за все, что они сделали для нас. Вы помните, что до революции в Дагестане не было ни одного высшего учебного заведения, а сейчас там Государственный университет, медицинский и сельскохозяйственный институты. Филиал Академии наук...

В одной турецкой газете упоминалось, что у вас 80 библиотек на всю страну с населением свыше 30 миллионов, а в Дагестане, где населения нет и полутора миллионов,— около 800 библиотек, в театрах идут постановки на аварском, даргинском, лакском, кумыкском, лезгинском, русском и других языках, дагестанцы читают газеты и журналы на своих языках...

Я смолк. Меня окружали люди, которые, как было видно, слушали внимательно.

— Вы горец и поймете нас,— сказал один из слушателей.— Мы с удовольствием слушали вас и охотно побывали бы в Дагестане. В годы войны за независимость я бывал в Анапе и Новороссийске, ездил получать русское оружие для нашей армии, был тогда в Дагестане.

— Озтюрк прав,— сказал стоявший рядом с Ахмеджаном.— Что плохого сделали нам русские? Они не только помогли нам оружием в годы борьбы за независимость, но помогали и после строить заводы и фабрики. Мы приветствуем, что нынешнее наше правительство решило расширять торговые и экономические отношения с Россией. Вы видели, как сейчас зашумели американцы, когда господин Ахмеджан назвал первым ваше имя? Они боятся как огня нашей дружбы. Я тоже помню, какая большая дружба была между Ататюрком и другими нашими уважаемыми государственными деятелями и советским послом Сурицем. На всех торжествах они были всегда вместе.

Вечер близился к концу. Ахмеджан сказал:

— Такие откровенные беседы полезны, мы будем лучше знать друг друга, а сейчас давайте разойдемся по своим местам и вернемся к своему делу. Мы приготовили в качестве дара для самого почетного гостя плетку, нашу обычную, недорогую дагестанскую плетку. Ее мы собирались подарить любезно присутствующему здесь члену Национального собрания. Я думаю, он и вы все не обидитесь, если мы подарим ее нашему земляку, дагестанцу, советскому консулу в знак уважения к великому нашему северному соседу — Советскому Союзу.

Сидевший за столом, но внимательно слушавший разговор солидный господин молча кивнул.

И по сей день плетка висит на стене в моей квартире.

Жила-была на свете девушка Юна. У нее были большие зеленые глаза и длинные ресницы, пушистая, чуть рыжая челка и тоненькая талия, хрупкие плечи и смуглая кожа.

Каждый день жизни Юны состоял из прекрасных сказок. Она клялась ни на что и никогда не променять этой жизни. Один день, лежа в своей постели и глядя на серое, рыхлое небо, которое занимало все огромное окно, Юна уносилась далеко-далеко, в благоухающий после дождя сад, где никого не было, кроме нее, и где на щеках ее играло солнце. Другой день ей казалось, что в длинном черном плаще бархатной ночи плывет она в синем небе, усыпанная голубыми, искрящимися, как роса, звездами. В третий день она просыпалась рано-рано утром и не хотела открыть глаз оттого, что во сне она тоже видела сказки и ей жаль было уходить от них. Но, открыв глаза, Юна видела букетик нежных фиалок на маленьком столе и тут же переносилась в другую, фиалковую сказку, в фиалковую комнату, уютную, маленькую и всю сиреневую — со стенами, обитыми сиреневым прозрачным шелком, со стульями будто из белых и сиреневых кружев, в комнату с фарфоровым, хрупким полом и перламутровым потолком из морских ракушек. А в четвертый день она купалась в сугробе влажного снега, ела лимоны, и лимонные корки дремали и таяли на снегу.

Иногда она видела ярко-красные с бледно-голубым закаты, раскинувшиеся над рощей. А в пятый день Юна грустила, но грусть ее была тоже счастливой, тихой, приносящей покой и хорошее настроение.

Так жила она и записывала свои сказки. Каждый день новую. Их было так много, что Юна не помнила и половины всех на следующий день. Записанные сказки она продавала издателю.

Он печатал их в своей типографии, и многие люди читали их, когда уставали от будничных забот, и рассматривали чудесные картинки к этим сказкам.

Картинки были воздушные, прозрачные, начерченные тонким пером, черной тушью на белой и голубой бумаге. Картинки эти рисовал молодой художник, его звали Антон. Вот уже несколько месяцев он жил в сказочных снах, которые записывала Юна, и перо его само скользило по бумаге, рисовало то, что в вихре своих сказок не успевала заметить девушка.

Ах, как давно и как сильно мучила художника мысль о знакомстве со сказочницей и каким невозможным казалось ему это!

Свои картинки художник продавал тому же самому издателю, а получив деньги, уезжал в какую-нибудь далекую страну и рисовал там мечети и пыльные стены, пески и узкие улицы — до тех пор, пока не прилетала к нему новая сказка на самолете с северной земли.

Так жила сказочница, и так жил художник. Они были счастливы в своем одиночестве и ни на что не хотели променять его счастливые часы.

«Если я буду думать о ком-то, то не смогу видеть свои сказки, а ведь это смысл моей жизни,— думала Юна,— и зачем жить, если не будет в этом смысла?»

А художник ничего не думал, он просто жить не мог без ее сказок и без своего тонкого пера, никто не должен мешать ему жить.

Но время поворачивает все по-своему.

Поздней осенью, когда садовники в парке жгут кучи листьев и пряно пахнет земля, художник брел по заброшенной аллее, и с пруда потягивало уже сумеречной прохладой, шла навстречу ему девушка с чуть рыжеватой челкой и смуглой кожей. Шла, и глаза ее сияли, лучились, проникали куда-то глубоко-глубоко, в самое сердце художника, и заставляли сказать его что-то.

— Здравствуй...

— Здравствуй,— прошептала девушка, смеясь.

— Антон,— сказал юноша.

— Юна,— сказала она.

— Я люблю тебя,— сказал он.

— Знаю,— сказала она и сделала шаг вперед. «Знаю, знаю, знаю»,— понесло эхо в ее душе.

— Антон,— сказала девушка и протянула руки. Тут душа ее порвалась, тысячи сказок вырвались из души, и ветер унес их в далекий красный закат над прудом вместе с ворохом сухих листьев. А в душе все звенело... как разбитый фарфор: «Антон, Антон, Антон...»

Никому, нигде и никогда не попадалось больше ни одной Юниной сказки, нигде никто не видел тонких лиц Антонова пера. И постепенно о них забыли люди. Лишь редко где-нибудь над рекой, в роще, в красном зареве заката или восхода увидишь и ты что-то сказочное и знакомое. Это Юнины сказки. Ты читал их, напряги память! Но больше не прочтешь ни одной.

Время и судьба всем располагают по-своему, и никто не знает, хорошо это или плохо.

Народный артист УССР М. Кречко, композитор Г. Майборода и поэт Т. Масенко.

Фото Н. Козловского.

«ДУМКЕ» ПОЛВЕКА

Наверное, нет уголка в нашей стране, где не слышали бы об украинской капелле «Думка». И где бы ни побывала «Думка» на гастролях за пятьдесят лет своего существования, везде ее помнят, везде поют ее песни...

Певцы и музыканты капеллы бережно, искренне и любовно несут в народ замечательные песни Украины, светлые и радостные, полные мужества и силы... Недаром уже на втором году своего существования «Думка» была желанной гостьей в Москве, тогда в «Правде» появилась своеобразная рецензия Демьяна Бедного, побывавшего на концерте капеллы:

...Слушал украинцев радостно
взволнованный,
Дивным их пением очарованный.
Какая гармония! Какие голоса!
Какое мастерство исполнения!
Прошло для меня три часа,
Словно три волшебных
мгновения!

С той поры о Государственной заслуженной хоровой капелле УССР «Думка» было написано много хвалебных рецензий, и каждая из них отмечает полнозвучность голосов, интонационную точность исполнения, отличную дикцию певцов, подлинную народность манеры, которая отличает этот коллектив.

Велико жанровое разнообразие репертуара капеллы. Тут и замечательные украинские народные песни и песни советских композиторов, исполняемые а-капелла и в оркестровом сопровождении. Тут и произведения больших форм для хора и симфонического оркестра: «Украина моя» Штогаренко, «На поле Куликовом» Шапорина, «Александр Невский» Прокофьева, «Славься, Отчизна моя» Жуковского. Высокое профессиональное мастерство, которым обладает «Думка», позволяет ей с успехом исполнять произведения Моцарта, Гайдна, Бетховена...

Сейчас капеллой руководит народный артист УССР Михаил Кречко — один из выдающихся мастеров хорового дирижирования, знаток искусства вокала, человек, влюбленный в песенное искусство Украины. На концерте «Думки» 1 мая этого года в Большом зале Московской консерватории с особой задушевностью прозвучали знаменитые строки «Реве та стогне Днипр широкий», колыбельная «Ой ходит сон коло викон», шутливая, задорная «Ой устану я в понедилок», шевченковские «Думы мои»...

Когда уходишь с концертов «Думки», неизменно уносишь в душе думы об Украине. Думы о прекрасных людях и песнях.

Органично вписывается в понятие «Думка» ее серьезный и лиричный, раздумчивый и стройный стиль. Хотя стоило бы напомнить, что свое название капелла получила пятьдесят лет назад из сочетания первых букв: «Державна Українська мандрівна капела».

Годы большого творческого труда придали имени «Думка» новое, вдохновенное значение.

Народный артист СССР
А. СВЕШНИКОВ

НОВЫЕ КНИГИ О ШОЛОХОВЕ

В серии «Письма из деревни», которая начата в издательстве «Советская Россия», вышла книга публицистики Михаила Александровича Шолохова «Слово о родине». В нее включены очерки, статьи, беседы, речи писателя, посвященные советской деревне, в том числе выступление на Третьем Всесоюзном съезде колхозников.

РАССКАЗ О ЛЮБИМОМ ПИСАТЕЛЕ

Недавно мне довелось прочитать книгу нашего ростовского писателя Михаила Андриасова «Сын тихого Дона». Она буквально захватила меня от первой до последней страницы. И хотя я не критик, не литератор, захотелось высказать о ней свое читательское мнение.

В книге Михаила Андриасова я открыл для себя много нового. Думаю, что успех «Сына тихого Дона» заключается в том, что это произведение знакомит широкий круг читателей с такими страницами из жизни любимого народом писателя, которые до сих пор широко не освещены.

М. Андриасов, судя по той сердечности, с какой написана его книга, влюблен в своего героя. И эта хорошая, строгая влюбленность помогла ему найти особые, проникновенные слова. В книге мы видим Шолохова — человека в обыденной жизни, в повседневных заботах, как бы участвуем в его благородных делах для народа, становимся собеседниками в многочисленных встречах с самыми различными людьми.

Для меня совершенно были неизвестны, и об этом до сих пор ничего не писалось, сердечные связи Михаила Александровича с народом Грузии, его добрая переписка с грузинскими чаеводами — труженицами зеленого золота, дружба с натанебским колхозом имени Ленина, его пребывание в городах и селах Грузии, душевное высказывание об «истории трогательной любви Грибоедова...».

Кстати, в книге много фактов, иллюстрирующих интернационализм М. А. Шолохова. Мы узнаем немало примечательного о связях писателя с Украиной, Казахстаном, знакомимся с его высказываниями о культуре Армении, Белоруссии, узнаем о пребывании Михаила Александровича в Англии, Японии, Швеции и других странах.

Меня, военного человека, глубоко взволновали страницы фронтовой жизни полковника Шолохова, глава о пребывании писателя в ГДР и об ответном визите делегации крестьян, рабочих и интеллигенции Германской Демократической Республики в Вешенскую, об их поездке по донской земле, глава о давней дружбе М. А. Шолохова с побратимами Семена Давыдова — рабочими бывшего Путиловского, а теперь Кировского завода в Ленинграде...

С особым интересом читаются страницы, иллюстрирующие отношение писателя к своим коллегам — опытным и молодым, оценки отдельных произведений прозы и поэзии, характеристика творчества ряда известных писателей, взыскательная и в то же время такая отеческая, шолоховская забота о молодой литературной смене...

Обо всем интересном, чем радует «Сын тихого Дона», не расскажешь. Тут и главы о встречах писателя со школьниками, с молодежью, с артистами, с иностранными гостями... Мы видим Шолохова за чтением книг, Шолохова — на охоте, Шолохова — в дороге... Книга любовно оформлена, в ней много редких фотографий.

Хочется мне остановиться еще на одной особенности «Сына тихого Дона». Поэтично, с нежной любовью рассказывает автор о нашем донском крае. По прочтении книги я лучше увидел Дон, еще глубже познал его землю и его людей, родной край предстал передо мной шире, ярче, стал еще дороже... За все это мое солдатское спасибо автору, а что до выдающегося вешенца — славного сына тихого Дона, то я низко кланяюсь ему и желаю доброго казачьего здоровья, новых бессмертных шолоховских книг!

С. ГОРШКОВ,
гвардии генерал-лейтенант

Михаил Андриасов. Сын тихого Дона. Издательство «Советская Россия». Москва. 1969.

АНКАРА, БАРСЕЛОНА, ВАРНА

ЧЕТЫРЕХКРАТНЫМ — СЛАВА!

Сидят (слева направо): Марита Батутите, Вера Лантратова, Людмила Булдакова, Инна Рыскаль, Людмила Михайловская, Галина Леонтьева, стоят: старший тренер Гиви Ахвледиани, Роза Салихова, Любовь Тюрина, Татьяна Сарычева, Вера Галушко-Дуюнова, Нина Смолеева, Татьяна Поняева-Третьякова, тренер Виктор Тюрин.

Фото В. Ун Да-сина (ТАСС)

Не проиграв ни одной встречи в Болгарии, советские волейболистки в четвертый раз стали чемпионками мира. Впервые золотые медали они получили в 1952 году в Москве, затем наша сборная добивалась побед в Париже и в Рио-де-Жанейро. Но после 1960 года слава сильнейших перешла к волейболисткам Японии, и лишь в Мехико на олимпиаде стало ясно, что годы разочарований прожиты не зря — там наши спортсменки сумели обыграть своих знаменитых соперниц и завоевать олимпийское первенство.

И вот чемпионат мира в Болгарии. Неодолимое движение к высшей ступеньке пьедестала почета. Побеждена команда Японии, выигран матч у команды Болгарии и еще перед последней игрой с волейболистками Корейской Народно-Демократической Республики советские спортсменки обеспечили себе место на этой ступеньке.

Это большой успех дружного спортивного коллектива, который готовили к чемпионату тренеры Гиви Ахвледиани и Виктор Тюрин. Они сумели сохранить в составе сборной многоопытных спортсменок и хорошо подготовить молодежь.

Это равновесие, видимо, было утеряно в нашей мужской команде, где выступало семь дебютантов. И вот печальный итог — пять поражений и шестое место. Это, конечно, большая неудача после олимпийского взлета в Мехико, и теперь лишь остается надеяться, что волейболисты сумеют, как и наши волейболистки в свое время, сделать все надлежащие выводы из своей неудачи. А теперь мы славим наших замечательных спортсменок, которые вернулись домой с золотыми медалями. Вместе с ними поднялись на пьедестал почета команды Японии и Корейской Народно-Демократической Республики.

24 из 25

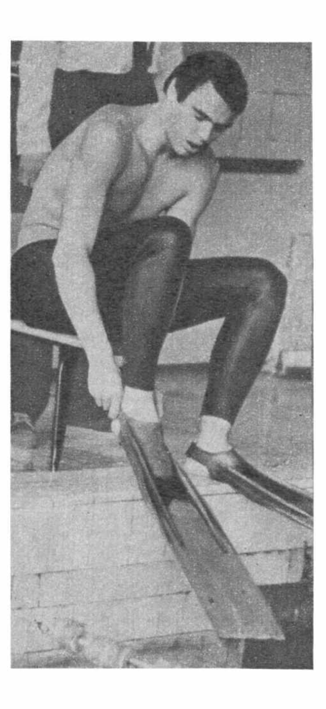
Светлана Меньшикова — чемпионка Европы по подводному ориентированию.

Надежда Турукало — чемпионка Европы по скоростному плаванию.

Фото Б. Шипунова.

Андрей Красников — чемпион Европы по скоростному плаванию. ▶

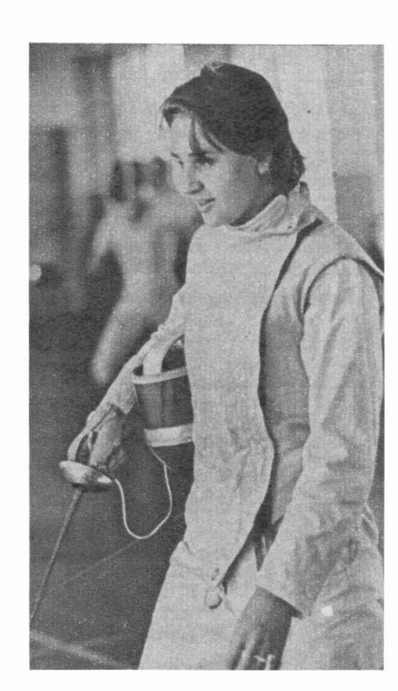
В Барселоне никто не смог оказать сопротивление нашим спортсменам на чемпионате Европы по подводному плаванию. Они увезли домой 24 золотые медали из 25.

Женские и мужские команды СССР были первыми и в соревнованиях по подводному ориентированию, и в скоростном плавании, и в нырянии в ластах. В бассейне «Сабадель» наши «подводники» установили шесть новых мировых рекордов. А в морском заливе, в сорока километрах от Барселоны, победы добилась Светлана Меньшикова, которая показала лучшие результаты в наиболее сложном упражнении в ориентировании — плавании под водой на 550 метров с изменением курса. В четвертый раз завоевал титул чемпиона Европы рекордсмен мира в скоростном плавании в ластах Андрей Красников. Успешно дебютировала в Барселоне Надежда Турукало. Она привезла из Испании три золотые медали.

РЕКОРД ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ

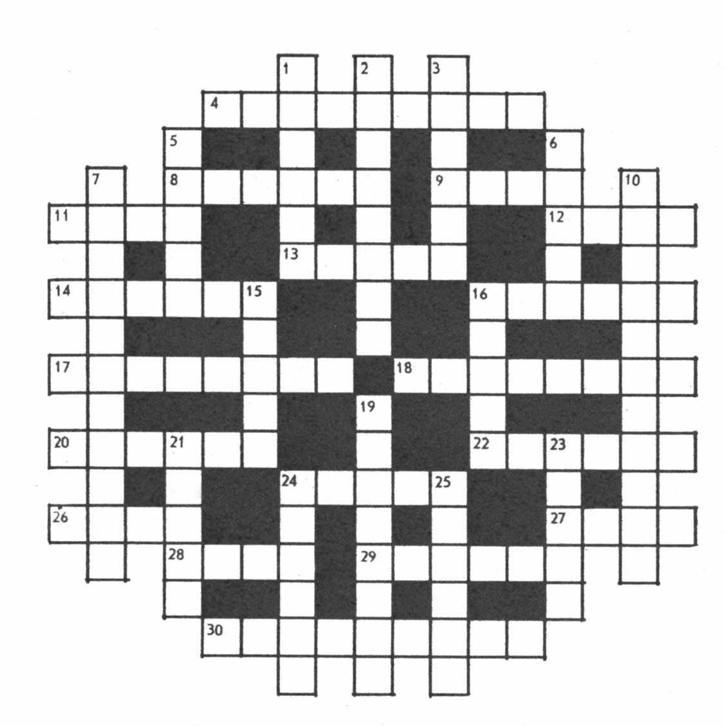
В одиннадцатый раз советские фехтовальщики получили главный командный трофей чемпионатов мира — «Большой приз наций». В Анкаре они добились выдающихся успехов, завоевав десять медалей, в том числе пять золотых.

Этот триумфальный марш открыла одна из самых известных советских фехтовальщиц, Галина Горохова, а затем к ней присоединились команды рапиристок, рапиристов и саблистов и, наконец, в третий раз завоевавший титул чемпиона мира по фехтованию на шпаге Алексей Никанчиков.

Галина Горохова — чемпионка мира по фехтованию.

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский писатель. 8. Небесное тело. 9. Закономерное чередование музыкальных звуков. 11. Большой декоративный сад. 12. Химический элемент. 13. Плодовое дерево. 14. Австрийский композитор. 16. Город в Польше. 17. Актер и режиссер, народный артист СССР. 18. Площадка для взлета и посадки самолетов. 20. Столярный инструмент. 22. Приспособление для работ под водой. 24. Хищная птица. 26. Стержень, снабженный резьбой. 27. Белорусская народная плясовая песня. 28. Порт на Азовском море. 29. Минеральная вода. 30. Тригонометрическая функция.

По вертикали: 1. Приток Камы. 2. Картина В. М. Васнецова. 3. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 5. Столица Ганы. 6. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 7. Помещение для научных исследований. 10. Вид задачи, загадки. 15. Река в Якутии. 16. Областной центр в РСФСР. 19. Роман И. С. Тургенева. 21. Ансамбль из восьми исполнителей. 23. Системы горных хребтов в Азии. 24. Музыкальный интервал. 25. Складные очки с ручкой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 3. «Холстомер». 5. Япет. 6. Танк. 9. Лимонад. 11. Булава. 13. Астров. 15. Прима. 18. Ломоносов. 19. Гелиограф. 20. Топаз. 22. Мисхор. 25. Прилив. 27. Уклейка. 28. Марш. 29. Этна. 30. Скальпель.

По вертикали: 1. Новелла. 2. Веранда. 4. Триполи. 5. Яйва. 7. Корт. 8. Туркмения. 10. Пожарский. 12. Волокно. 14. Семинар. 16. Ровно. 17. Магма. 21. Плетень. 23. Хром. 24. Рубрика. 25. Пастель. 26. Иена.

На первой странице обложки: На Волжском автомобильном заводе в Тольятти идут пуско-наладочные работы. С главного конвейера сходят «Жигули». **Вверху** — Ольга Шибакова, контролер цеха испытаний.
На последней странице обложки: Осеннее солнце.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

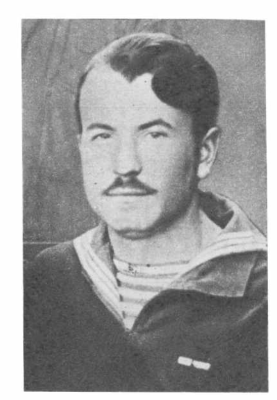
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем—253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/IX-70 г. А 00471. Подп. к печ. 6/X-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2019. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2626.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НАГРАДА НАШЛА БОЙЦА

Недавно друзья поздравили художника-ретушера «Огонька» Константина Самохвалова с наградой — орденом Отечественной войны II степени. Орден получен спустя более четверти века после войны.

Вот его история. Впрочем, лучше всего по порядку. 1940 год. Девятнадцатилетний паренек работает слесарем на оборонном заводе. Его райвоенкоматская папка перечеркнута красным карандашом крест-накрест: забронирован, призыву не подлежит. А паренек рвется в Красную Армию. Он хорошо знает героев Хасана, Халхин-Гола, он хочет стать в ряды защитников Родины. Не вытерпел — написал письмо наркому обороны. Получилось!

Он служит авиаремонтником в ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Война застала Костю Самохвалова в Таллине. Отступление к Ленинграду. Летчики Балтфлота вели непрерывные бои с вражеской авиацией. Не все возвращались из этих схваток. А те самолеты, которые возвращались, были изрешечены пулеметными очередями, пробиты осколками. К израненным машинам стремились мотористы, оружейники, ремонтники. Среди них был и Самохвалов. За ночь нужно было «нарастить» отбитые куски плоскостей, заделать сотни дыр в фюзеляжах. Константин вместе со своими боевыми друзьями «возвращал крылья» неутомимым И-16 и Ла-5. Среди его «пациентов» были машины Героев Советского Союза Батурина, Костылева, Сербина. И всегда время торопило: одна тревога сменялась другой. Самолеты взмывали в небо поперек летного поля: некогда было выруливать на старт.

Такими были три долгих, тревожных года.

Бессонные ночи, бомбежки, землянка, залитая до колен береговыми подземными водами...

За три года Константин Самохвалов выполнил, как сказано в его военной характеристике, «четыреста самолеторемонтов».

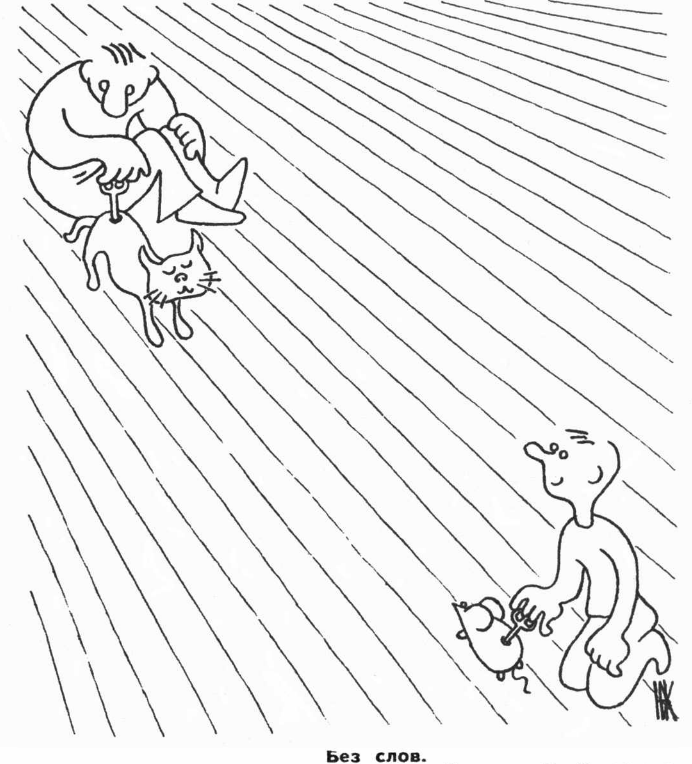
Потом были Восточная Пруссия, Дальний Восток... В 1948 году — демобилизация. На груди сержанта Самохвалова поблескивали медали.

Когда праздновалось 25-летие Победы, Самохвалов случайно встретился с офицером-однополчанином. Увидев медали, тот спросил:

— А почему нет ордена?

Оказалось: был награжден орденом Константин Самохвалов. Теперь на груди ветерана поблескивает серебром и красной эмалью орден Отечественной войны II степени.

В. РУДИМ

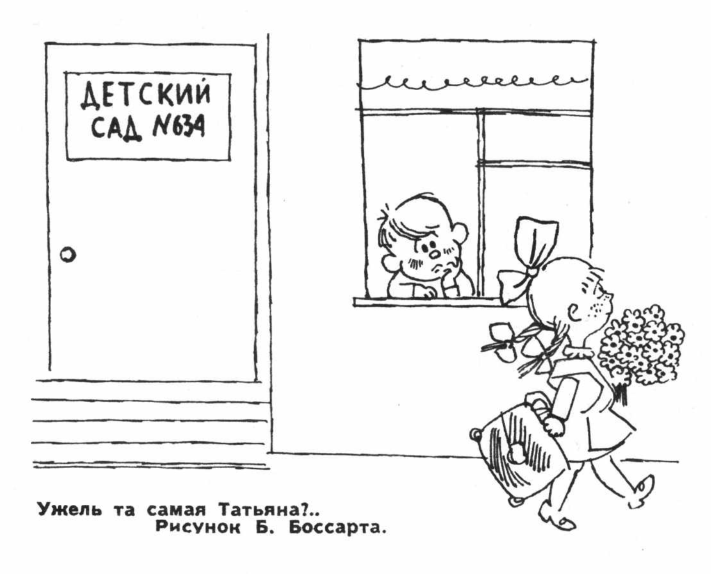

Без слов. Рисунок Н. Калугина.

Меньшой брат.
Фото Анатолия Кендзерского.

— У меня сегодня крупный разговор с женой.
Рисунок В. Воеводина.

Ужель та самая Татьяна?..
Рисунок Б. Боссарта.

— Мы играем в подземный переход. Ваш Васька сейчас вылезет вон там.
Рисунок Б. Боссарта.

— Сколько же ты клея положил в побелку?..
Рисунок В. Тамаева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.